

Купер Ф.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
Пионеры, или
У истоков Сосквеганны
Хижина на холме,
или Вайандоте

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений

Джеймс Фенимор Купер

**Пионеры, или У истоков
Сосквеганны. Хижина на
холме, или Вайандоте (сборник)**

«Алгоритм»

1823, 1843

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Купер Д.

Пионеры, или У истоков Сосквеганны. Хижина на холме, или Вайандоте (сборник) / Д. Купер — «Алгоритм», 1823, 1843 — (Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В данном томе представлены два произведения Купера. Роман «Пионеры» повествует о событиях, происходивших в конце XVIII в., вскоре после провозглашения независимости США. Поселенцам обустривающим новые земли и налаживающим свою жизнь в окружении дикой природы, приходится столкнуться с воинственностью индейских племен. В этих условиях не выжить без настоящей любви, дружбы, верности, чести... «Хижину на холме», давшую название второму роману, построил для своей семьи капитан Вилугби, когда оставил службу короне и купил, по совету индейца Ника, участок земли вокруг «бобрового пруда». Много лет жизнь в Хижине текла спокойно и счастливо, но началась война, и благополучию пришел конец. Правда, причиной постигшего семью Вилугби краха стала не столько война, сколько зависть и месть.

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д., 1823, 1843

© Алгоритм, 1823, 1843

Содержание

Пионеры, или У истоков Сосквеганны	7
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	27
Глава VII	31
Глава VIII	35
Глава IX	38
Глава X	41
Глава XI	43
Глава XII	48
Глава XIII	52
Глава XIV	58
Глава XV	63
Глава XVI	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джеймс Фенимор Купер
Пионеры, или У истоков Сосквеганны.
Хижина на холме, или Вайандоте

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2008

Пионеры, или У истоков Сосквеганны

Глава I

Под вечер ясного, морозного декабрьского дня 1793 года большие сани медленно поднимались на холм.

Дорога извивалась вдоль обрыва, и с одной стороны была защищена кладкой из бревен, нагроможденных одно на другое, а с другой вдавалась в гору, представляя таким образом проход, достаточный для тогдашнего движения. Сейчас бревна, углубления и все, что не слишком выдавалось над землей, было погребено под снегом. Только утоптанная тропа, на которой едва умещались сани, обозначала дорогу.

Внизу в долине почва была расчищена для нового поселка. Расчистки поднимались даже на холм до того места, где дорога сворачивала на ровную и плоскую вершину. Сама вершина была еще покрыта лесом.

В морозном воздухе искрились бесчисленные сверкающие блестики, а прекрасные гнедые кони, тащившие сани, были подернуты инеем. Пар, выходящий из их ноздрей, походил на клубы дыма, и все, как и одежда путешественников, говорило о суровой горной зиме.

Сбруя из тусклой черной кожи была украшена огромными медными бляхами и пряжками, блестящими, как золото, в косых лучах солнца, пробивавшихся сквозь ветви деревьев. Высокие седелки, усаженные гвоздиками и прилаженные к попонам, покрывавшим лошадей, имели четыре больших кольца, в которые были пропущены вожжи.

Кучером был молодой негр, лет двадцати, лоснящаяся черная кожа которого покрылась пятнами от холода, а большие блестящие глаза то и дело наполнялись слезами, – данью африканца суровым морозам этой области. Несмотря на это, его улыбающееся лицо выражало удовольствие при мысли о доме и о праздничных развлечениях.

Большие удобные сани могли бы вместить целую семью, однако, в них находились, кроме кучера, только двое седоков. Снаружи сани были выкрашены в скромный зеленый цвет, а внутри – ярко-красный. Большие буйволовые шкуры, обшитые по краям красным сукном с фестонами, покрывали сиденье саней, устлали их дно и закрывали ноги путешественников – мужчины средних лет и очень молодой девушки. Мужчина был высокого роста; но предосторожности, принятые им против холода, не позволяли разглядеть его. Большая шуба окутывала всю его фигуру, кроме головы, на которой сидела кунья шапка, отороченная сафьяном, с наушниками, подвязанными под подбородком черными лентами. Верхушка шапки была украшена куньим же хвостом, спускавшимся довольно эффектно на затылок. Из-под шапки было видно красивое мужественное лицо с выразительными голубыми глазами, говорившими об уме, юморе и добродушии.

Фигура его спутницы была совершенно скрыта под массой одежд. Меха и шелк выглядывали из-под большого камлового плаща, подбитого толстой фланелью, судя по величине и покрою – мужского. Огромный черный шелковый капюшон на пуховой подкладке скрывал всю голову, оставляя только небольшое отверстие для дыхания, сквозь которое сверкали иногда живые черные глаза.

Отец и дочь были, по-видимому, так заняты своими мыслями, что не разговаривали, и тишина почти не нарушалась легко скользившими санями. Отец думал о своей покойной жене, которая четыре года тому назад неохотно отпускала их единственную дочь в Нью-Йорк, где

девушка только и могла получить надлежащее образование. Спустя несколько месяцев после отъезда Елизаветы смерть отняла у него подругу его одиночества; но он слишком дорожил интересами своей дочери, чтобы вернуть ее в глушь прежде, чем кончился срок, назначенный для ее образования. Размышления дочери не были так печальны. Она восхищалась при виде новых картин, открывавшихся с каждым поворотом дороги.

Гора, по которой они ехали, была покрыта соснами, поднимавшимися на высоту двадцати – двадцати пяти метров до первых ветвей, причем до верхушки высота эта часто удваивалась. Глаз свободно проникал в просветы между высокими стволами, останавливаясь только на какой-нибудь неровности почвы или на вершине горы, находившейся по ту сторону долины. Темные стволы деревьев, прямые, как стрелы, поднимались над белым снегом и на значительной высоте расходились горизонтальными ветвями. Путешественники не чувствовали ветра, но вершины сосен величаво покачивались с глухим жалобным стоном.

Сани скользили уже по ровной дороге, и глаза девушки пытливо и, может быть, не без робости посматривали в чашу, когда послышался громкий и продолжительный лай, отдававшийся под лесными сводами бесчисленным эхом, точно залаяла большая стая собак. Как только эти звуки достигли ушей мужчины, он крикнул негру:

– Стой, Эгги! Это старый Гектор, я узнаю его лай из тысячи! Кожаный Чулок бродит по холмам со своими собаками, и они подняли зверя. Недалеко отсюда оленья тропа, и если ты не боишься выстрела, Бесс, я угощу тебя дичью на Рождество.

Негр, изобразив улыбку на своем озябшем лице, остановил лошадей и принялся хлопывать рукой об руку, чтобы восстановить кровообращение в замерзших пальцах, а его хозяин встал и, отбросив полость, выскочил на подмерзший, плотный снег.

Из груды чемоданов и картонок он вытащил двухствольное охотничье ружье. Сбросив огромные рукавицы, он остался в кожаных, отороченных мехом перчатках, осмотрел полку ружья и двинулся было вперед, но легкий шум бегущего животного послышался под деревьями, и великолепный олень выбежал на дорогу, немного впереди него. Внезапное появление и быстрый бег животного не смутили путешественника. Увидев оленя, он быстро прицелился и выстрелил. Животное продолжало свой бег, по-видимому, оставшись невредимым. Не опуская ружья, путешественник прицелился из другого ствола, но и этот выстрел остался безрезультатным.

Все это произошло с быстротою, смутившей девушку, которая бессознательно обрадовалась спасению оленя, промчавшегося, как метеор, через дорогу. Вдруг ее слух поразил сухой, резкий треск, совсем не похожий на гулкие, раскатистые звуки отцовского ружья, очевидно, принадлежавший также огнестрельному оружию. Олень подпрыгнул. В то же мгновение последовал второй выстрел, после которого животное рухнуло бездыханным. Невидимый стрелок, сваливший оленя, издал торжествующий крик, и двое людей вышли из-за деревьев, где они, очевидно, подстерегали животное.

– А, Натти, если бы я знал, что вы в засаде, я не стал бы стрелять! – воскликнул путешественник, подходя к тому месту, где лежал олень. Развеселившийся негр следовал за ним с санями. – Лай вашего Гектора раззадорил меня. Впрочем, я не уверен, попал ли в оленя.

– Нет, нет, судья, – возразил охотник с беззвучным смехом и тем выражением, которое свидетельствовало о сознании своего превосходства, – вы сожгли свой порох только для того, чтобы погреть нос в этот холодный вечер. Неужто вы думаете убить оленя из вашей хлопушки, когда за ним гонятся Гектор и сука? В болотах водится много фазанов, а вокруг вашего дома летают подорожники, которых вы можете кормить крошками и стрелять сколько душе угодно. Но если вы желаете получить оленя или медвежий окорок, судья, то возьмите длинное ружье с просмоленными пыжами, а не то истратите больше пороха, думается мне, чем набьете желудков.

Сказав это, охотник снова, открыв свой большой рот, засмеялся тем же беззвучным смехом.

– Мое ружье бьет хорошо, Натти, и я уже убивал из него оленей, – ответил путешественник с добродушной улыбкой. – Один ствол у меня был заряжен картечью; другой – только дробью на птиц. Здесь две раны: одна в шею, другая прямо в сердце. Чем вы докажете, Натти, что я не нанес одну из них?

– Кто бы ни убил его, – нетерпеливо сказал охотник, – я думаю, что это животное будет съедено. – С этими словами он достал большой нож из кожаного чехла, висевшего у него на поясе, и перерезал глотку оленю. – Если в него попали две пули, так ведь и выстрелы были из двух ружей, да и кто видел когда-нибудь, чтобы такую дыру можно было сделать из гладкоствольного ружья? Вы должны согласиться, судья, что олень упал от последнего выстрела, который сделала рука потверже и помоложе вашей или моей. Я, со своей стороны, хоть и бедный человек, могу обойтись и без дичи, но не хочу отказываться от своих прав в свободной стране. Хотя, по правде сказать, сила частенько заменяет и здесь право, совсем как в Старом Свете.

Охотник произнес эти слова с видом угрюмого недовольства, однако, при последних словах счел благоразумным понизить голос, так что слушатели ничего не могли разобрать, кроме ворчливого тона.

– Я ведь спорю только из-за чести, Натти, – возразил путешественник с невозмутимым добродушием. – Олень стоит несколько долларов! Но кто вознаградит меня за потерю чести носить хвост оленя на шапке? Подумай, Натти, как я буду торжествовать над этим крикуном, Диком Джонсом, который промазал уже семь раз в этот сезон и принес только индейку и несколько белок.

– Да, судья, дичь поредела после ваших расчисток и улучшений, – сказал старик-охотник с угрюмым видом. – Прошло уже то время, когда я мог настрелять четырнадцать оленей, не считая молодых, из дверей моей хижины! Когда же мне нужен был медвежий окорок, то стоило только не поспать ночь, чтобы пристрелить медведя сквозь щели бревен, и нечего было опасаться проспать, так как волчий вой не давал сомкнуть глаз. Взгляните на старого Гектора, – при этих словах он ласково погладил огромную собаку в черных и желтых пятнах, с белым брюхом и лапами, только что появившуюся в сопровождении суки, о которой также уже говорил охотник. – Вот рубец от раны, нанесенной ему волками, забравшимися к нам ночью за дичью, которую я повесил коптиться. Этому псу можно больше доверять, чем многим христианам, потому что он никогда не забывает друга и любит того, кто дает ему хлеб.

Манеры старого охотника привлекли внимание Елизаветы, как только он появился. Он был высокого роста и так худощав, что казался еще выше. На голове, покрытой редкими, песочного цвета волосами, он носил шапку из лисьей шкуры без всякой отделки и украшений. Худое лицо его не было, однако, болезненным, наоборот, вся его фигура свидетельствовала о чрезвычайно крепком и выносливом здоровье. Серые глаза сверкали из-под косматых полуседых бровей. Куртка из оленьей шкуры, шерстью вверх, плотно охватывала его туловище, стянутое пестрым шерстяным поясом. На ногах были мокасины из оленьей кожи, украшенный иглами дикобраза по индейскому образцу, и длинные гетры из того же материала. Эти-то своеобразные гетры и доставили Натаниэлю, или, короче, Натти Бумпо, среди поселенцев прозвище Кожаного Чулка.

Охотник начал заряжать свое ружье, такое длинное, что когда он поставил его на землю, то оно концом дула достигало почти верхушки шапки Бумпо. Путешественник тщательно рассматривал раны оленя и, не обращая внимания на дурное настроение охотника, воскликнул:

– Мне бы, Натти, хотелось решить по справедливости, кто убил этого оленя; и, конечно, если рана в шею моя, то ее довольно; выстрел в сердце был сделан без надобности; он был тем, что у нас, у судей, называется «сверхдолжным актом», Кожаный Чулок!

– Вы можете назвать его по-ученому, как вам угодно, судья! – отвечал охотник, опуская ружье на левую руку и доставая кусок просаленной кожи, в которую он завернул пулю, а затем принялся заколачивать ее в дуло. – Гораздо легче выдумывать имена, чем застрелить оленя на бегу; но, как я уже сказал, это животное нашло свою смерть от руки более молодой, чем ваша или моя.

– Что скажете, дружище? – шутливо обратился путешественник к спутнику Натти. – Давайте бросим доллар, чтобы решить вопрос, и если вы проиграете, то оставите монету у себя. Что вы на это скажете, дружище?

– Что оленя убил я, – довольно высокомерно отвечал молодой человек, который стоял, опираясь на такое же длинное ружье, как у Натти.

– Вас двое против меня одного, – с улыбкой возразил судья, – большинство голосов против меня. Есть еще Эгги, но, как невольник, он не может голосовать; а Бесс несовершеннолетняя; стало быть, мне придется уступить. В таком случае продайте мне дичь, а я уж придумаю славную историю о том, как она добыта.

– Дичь не моя, и я не могу ее продать, – отвечал Кожаный Чулок таким же гордым тоном, как и его товарищ. – Я знаю, что животное может бежать целый день с такой раной в шее, и ведь я не из тех людей, которые способны лишать человека его законных прав.

– Вы упорно отстаиваете свои права даже в такой холодный вечер, Натти! – отвечал по-прежнему судья. – А вы что скажете, молодой человек? Хотите три доллара за этого оленя?

– Сначала постараемся решить вопрос о праве удовлетворительно для обеих сторон, – сказал молодой человек твердо, но вежливо, употребляя выражения, совсем не соответствующие его внешности. – Сколькими картечинами было заряжено ваше ружье?

– Пятью, сэр, – отвечал судья, несколько удивленный манерами незнакомца; – разве этого не довольно, чтобы убить оленя?

– Довольно и одной; но, – продолжал молодой человек, направляясь к дереву, из-за которого появился, – вы стреляли в этом направлении, сэр, и вот четыре картечины в дереве.

Судья осмотрел свежие знаки на сосновой коре и, покачав головой, сказал со смехом:

– Вы свидетельствуете против самого себя, мой юный адвокат! Где же пятая?

– Вот она, – отвечал молодой человек, распахнув куртку и показывая дыру в рубашке, сквозь которую просачивались капли крови.

– Что это? – воскликнул судья с ужасом. – Я болтаю о пустяках, а вы ранены мной и не говорите об этом ни слова! Скорее, живо садитесь ко мне в сани! В деревне за милю отсюда есть хирург, я заплачу за лечение, и вы останетесь у меня, пока ваша рана не заживет.

– Благодарю вас за ваше доброе намерение, но я должен отклонить ваше предложение. У меня есть друг, который будет очень встревожен, узнав, что я ранен и далеко от него. Рана пустяшная, пуля не задела кости, но я надеюсь, сэр, что вы теперь признаете мое право на эту дичь.

– Разумеется, – поспешил согласиться взволнованный судья, – я даю тебе право стрелять в моих лесах оленей, медведей и все, что тебе вздумается. До сих пор только Кожаный Чулок пользовался этой привилегией; а наступает время, когда она будет иметь цену. Но я покупаю эту дичь – вот тебе плата за твой выстрел и за мой.

Во время этого разговора старый охотник выпрямился, очевидно, задетый словами судьи, но дождался его конца.

– Найдутся люди, которые скажут, что право Натаниэля Бумпо охотиться на этих холмах древнее права Мармадюка Темпля запрещать ему это, – сказал он. – Но если нужен какой-нибудь охотничий закон – хотя слыханное ли это дело, чтобы закон запрещал человеку убивать оленя, где ему вздумается! – если нужен какой-нибудь закон, то разве только такой, который запретил бы употребление гладкоствольных ружей. Стреляя из такого ружья, никогда не знаешь, куда полетит пуля.

Не обращая внимания на слова Натти, молодой человек отрицательно покачал головой и возразил:

– Простите, мне самому нужна эта дичь.

– Но тут хватит на покупку дичи, – настаивал судья, – возьмите это, прошу вас, – и, понизив голос до шепота, он прибавил: – здесь сто долларов.

Одно мгновение молодой человек как будто колебался, но затем, вспыхнув и словно устыдившись своей слабости, снова отклонил предложение.

В это время дочь судьи вышла из саней; не обращая внимания на холодный воздух, она откинула капюшон и сказала серьезно:

– Конечно, конечно, молодой человек... сэр... вы не доставите моему отцу огорчение сознавать, что он покидает в этой глуши человека, которого ранила его рука. Прошу вас отправиться с нами и воспользоваться помощью врача.

Потому ли, что его рана разболелась, или потому, что в голосе и обращении девушки, вступавшей за своего отца, было нечто привлекательное, но после ее вмешательства молодой человек смягчился и, видимо, колебался, словно ему было неприятно соглашаться, но не хотелось отвечать отказом.

Судья, с интересом следивший за этой странной борьбой чувств в молодом человеке, подошел к нему, ласково взял его за руку и, тихонько толкая к саням, заставил войти в них.

– Вы не найдете помощи ближе Темпльтона, – говорил он, – а до хижины Натти отсюда добрых три мили; едем, едем, мой юный друг, едем с нами, и пусть наш новый доктор осмотрит твое плечо. Натти сообщит о тебе твоему другу, и если ты захочешь, то можешь вернуться домой завтра утром.

Молодой человек высвободил свою руку, но продолжал смотреть на девушку, которая, не обращая внимания на холод, все еще стояла с открытым лицом, на котором была написана просьба уступить ее отцу. Кожаный Чулок стоял, опираясь на свой «оленебой», слегка нагнув голову на бок, погруженный в глубокое раздумье. Наконец он прервал молчание.

– Пожалуй, что лучше ехать, парень; если пуля засела в плече, то мои руки слишком стары, чтобы резать человеческое тело, как я дельвал это прежде. Лет тридцать тому назад, во время войны, я прошел семьдесят миль в пустыне с ружейной пулей в бедре, а затем вытащил ее моим ножом. Старый индеец Джон помнит это время. Я встретил его тогда с партией делаваров в погоне за ирокезами, которые спустились вниз и сняли пять скальпов на Шугари. Но я все же отметил одного краснокожего, и ручаюсь, что он будет носить мою метку до могилы! Я всадил ему три картечины, с позволения леди, пониже спины, когда он выскакивал из засады. – Сказав это, Натти вытянул свою длинную шею и открыл рот; его глаза, лицо и даже фигура смеялись, причем, однако, не было слышно никакого звука, кроме легкого свиста, когда он вдыхал воздух. – Я потерял формочку для пуль, переправляясь через Онеиду, и мне пришлось удовольствоваться картечью, но мое ружье не пускало по ветру заряды, как ваша двухствольная хлопущка, судья!

Елизавета в это время помогала отцу укладывать вещи, и так занялась этим, что не слышала слов охотника. Не в силах больше сопротивляться настояниям путешественников, молодой человек, хотя все еще с непонятным отвращением, уселся в сани. Негр с помощью хозяина уложил в сани оленя. Когда они уселись, судья пригласил охотника последовать их примеру.

– Нет, нет, – сказал старик, покачав головою, – мне нужно домой! Поезжайте с этим молодцом, и пусть ваш доктор осмотрит его плечо. Пусть он только вынет пулю, а уж я знаю травы, которые лучше залечат рану, чем все ваши иностранные снадобья.

Он повернулся, собираясь уйти, но вдруг спохватился и прибавил:

– Если вы встретите индейца Джона, то возьмите его с собой на помощь доктору, так как хотя он и стар, но отлично умеет лечить раны и ушибы.

– Стой, стой! – крикнул молодой человек, схватив за руку негра, собиравшегося погнать лошадей. – Натти, не говорите ни о том, что я ранен, ни о том, куда я отправился! Смотрите же, Натти, если вы меня любите.

– Доверьтесь старому Кожаному Чулку, – многозначительно возразил охотник, – он недаром прожил пятьдесят лет в пустыне и научился у индейцев держать язык за зубами. Положитесь на меня, паренек, и не забудьте об индейце Джоне.

– Еще вот что, Натти, – быстро прибавил молодой человек, все еще удерживая негра, – я вернусь к вам сегодня же вечером, как только мне вынут пулю, и принесу четверть оленя на рождественский обед.

Но тут охотник прервал его выразительным жестом, приложив палец к губам. Затем он тихо двинулся по дороге, не спуская глаз с верхушки сосны. Заняв нужное положение, он остановился, отставил назад одну ногу и начал медленно поднимать ружье. Путники, сидевшие в санях, невольно следили за движением дула и вскоре открыли цель, в которую метил Натти. На сухой сосновой ветке, на высоте семидесяти футов от земли, сидела птица, которую местные жители называли фазаном или куропаткой. Размерами она была немного меньше обыкновенной курицы. Лай собак и звуки голосов встревожили ее, и птица прижалась к стволу сосны, вытягивая шею и голову так, что они образовали почти прямую линию с ее ногами. Раздался выстрел, и фазан свалился с дерева с такой силой, что зарылся в снег.

– Стой, старый плут! – воскликнул Кожаный Чулок, грозя шомполом Гектору, который бросился было к дереву. – Назад!

Собака повиновалась, и он быстро, но аккуратно зарядил ружье; затем достал птицу с отстреленной головой и показал ее путешественникам.

– Этого довольно на рождественское жаркое для старика; не нужно оленя, молодец, и помните об индейце Джоне: его травы лучше всяких иностранных мазей. Как вы думаете, судья? – прибавил он, снова поднимая вверх птицу. – Могло бы ваше гладкое ружье свалить птицу с такого насеста, не потревожив ни единого перышка?

Старик снова засмеялся своим беззвучным смехом, выразившим торжество, веселье и иронию, и пошел по тропинке в лес быстрой походкой. Когда молодой человек обернулся на повороте дороги, чтобы взглянуть на своего старого товарища, фигура того еще мелькала между деревьями, а за ним бежали собаки, обнюхивая по временам след оленя, но, по-видимому, инстинктивно понимая, что он больше им не нужен. Еще поворот саней, и Кожаный Чулок скрылся из вида.

Глава II

Один из предков Мармадюка Темпля, друг и последователь патрона Пенсильвании¹, переселился в эту колонию за сто двадцать лет до начала нашего рассказа. Старый Мармадюк – это неуклюжее имя было наследственным в семье – привез с собой в «убежище гонимых» изрядный капитал. Он сделался обладателем огромной ненаселенной территории, пользовался большим уважением среди квакеров и умер как раз вовремя, чтобы не видеть своего разорения.

Потомство Мармадюка не избежало общей участи тех, кто полагается больше на средства, доставшиеся в наследство, чем на свои личные силы. Лишь отец судьи после разорения семьи первый начал подниматься по общественной лестнице, и в этой задаче ему немало помогло приданое жены, которое позволило доставить единственному сыну надлежащее образование.

В школе юный Мармадюк познакомился с одним молодым человеком, своим сверстником, Эффингамом.

Семья Эдуарда Эффингама обладала не только значительным богатством, но и влиятельным положением. Когда отец приятеля Мармадюка после сорокалетней службы вышел в отставку с чином майора, он сделался одним из самых влиятельных лиц в своей колонии, в Нью-Йорке. Эдуард Эффингам был его единственным ребенком; и этому-то сыну, когда он женился на девушке, к которой отец питал большую симпатию, майор передал все свое состояние, заключавшееся в ценных бумагах, в городском и загородном домах, в различных доходных фермах в старой части колонии и в обширных пространствах невозделанной земли – в новой.

Когда молодой Эффингам вступил во владение богатством, он прежде всего отыскал своего друга Мармадюка и предложил ему помощь, которую Эффингам теперь в состоянии был оказать. Мармадюк принял ее, и между друзьями состоялось соглашение. В столице Пенсильвании был основан торговый дом, обеспеченный движимым имуществом мистера Эффингама, которое все или почти все перешло в распоряжение Темпля, единственного официального собственника предприятия, половина прибылей которого, однако, по тайному соглашению, принадлежала его другу. Этот договор сохранялся в тайне от старого Эффингама. Сын не хотел затрагивать предрассудков отца, которому даже косвенное участие в торговле казалось унижительным. К тому же майор Эффингам не любил квакеров, и не удивительно поэтому, что сын не решился сообщить ему о своем соглашении с квакером Мармадюком, от добросовестности которого зависело теперь его состояние. В виду этого соглашение оставалось тайной для всех, кроме его участников.

В течение нескольких лет Мармадюк руководил коммерческими операциями торгового дома с благоразумием и умением, доставлявшими большие доходы. Он женился, у него родилась дочь Елизавета, и посещения его друга сделались более частыми. Они уже собирались открыть тайну соглашения, выгоды которого постоянно увеличивались для Эффингама, как вспыхнула революционная война².

С самого начала столкновений между колонистами и королевскими войсками Эффингам слепо стал на сторону Англии, рассудительность же и независимый ум Мармадюка Темпля побуждали его защищать народное дело.

Незадолго до сражения при Лексингтоне Эффингам, уже овдовевший, передал Мармадюку на сохранение все свои ценные бумаги и, расставшись с отцом, оставил колонию. Но как только начались серьезные военные действия, он вернулся в Нью-Йорк офицером королевской армии и вскоре выступил в поход во главе местного корпуса.

¹ Здесь говорится о Вильяме Пенне – владельце и законодателе Пенсильвании.

² Борьба за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов.

Мармадюк же твердо стоял за дело «мятежа», как выражались в то время англичане. Конечно, всякие сношения между друзьями прекратились: со стороны полковника Эффингама потому, что он не старался их поддерживать, а со стороны Мармадюка – из благоразумной осторожности. Вскоре Мармадюку пришлось оставить Филадельфию, но он вовремя позаботился поместить свое состояние, как и бумаги своего друга, в безопасном месте. Добросовестно и умело исполняя свои обязанности, Мармадюк не забывал и о собственных интересах: когда имущества приверженцев Англии были конфискованы и проданы с молотка, он отправился в Нью-Йорк и скупил обширные владения по самым низким ценам.

Когда кончилась война, и независимость Штатов была признана³, мистер Темпл оставил ставшую в те времена невыгодной торговлю и занялся поселениями на купленных им землях. Благодаря значительному капиталу и практичному руководству его предприятия развились очень успешно, чего трудно было ожидать из-за сурового климата и характера выбранной им области. Его владения увеличились в десятки раз, и он считался одним из самых богатых лиц среди своих сограждан. Наследницей этого состояния была его дочь Елизавета, возвращавшаяся теперь из школы домой.

Когда округ, в котором находились его имения, сделался достаточно населенным, чтобы составить особое графство, мистер Темпл, согласно обычаю новых поселений, был избран в нем на высшую судебную должность.

³ 3 сентября 1783 года по миру, заключенному в Версале.

Глава III

Сани Мармадюка Темпля продолжали скользить по лесной дороге.

Прошло порядочно времени, прежде чем судья настолько пришел в себя от волнения, что смог внимательно рассмотреть своего нового спутника. Он заметил, что это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трех, выше среднего роста. Фигуру его было трудно рассмотреть под грубой курткой, подпоясанной шерстяным кушаком, таким же, как у старого охотника. Глаза судьи остановились на минуту на лице незнакомца. Черты юноши, когда он уселся в сани, выражали какую-то тревогу, которая не ускользнула от внимания Елизаветы. Его беспокойство казалось всего сильнее в ту минуту, когда он просил своего старого спутника не проговориться; но когда он даже, по-видимому, окончательно решил отправиться в деревню, выражение его глаз не обнаруживало особенного удовольствия. Мало-помалу черты его привлекательного лица приняли спокойное выражение, и он погрузился в задумчивость. Судья внимательно всматривался в него некоторое время, а затем сказал с улыбкой, как бы подсмеиваясь над собственной забывчивостью:

– Должно быть, мой юный друг, испуг отшиб у меня память. Ваше лицо мне очень знакомо, а между тем, хотя бы мне сулили двадцать оленьих хвостов на шапку, я не смогу назвать ваше имя.

– Я всего три недели в этой местности, – холодно отвечал молодой человек. – Вы же, насколько мне известно, были в отсутствии гораздо дольше.

– Пять недель. А все-таки я уже видел ваше лицо. Правда, я так испугался, что не будет ничего удивительного, если я увижу тебя сегодня ночью в саване подле моей постели. Что ты скажешь, Бесс? Все ли я еще в полном уме или нет, и сумею ли я председательствовать в суде, или, что теперь гораздо важнее, устраивать сочельник в темпльтонской зале?

– Сумеешь гораздо лучше, дорогой отец, – отозвался веселый голос из-под капюшона, – чем убить оленя из гладкоствольного ружья.

Кони, по-видимому, чувствовали, что конец путешествия близок, и, прибавив ходу, быстро достигли того места, где дорога крутыми извивами спускалась в долину.

Судья очнулся от своих размышлений, когда увидел четыре столба дыма, поднимающиеся из труб его дома. Когда дом, деревня и долина предстали перед ним, он весело воскликнул, обращаясь к дочери:

– Вот, Бесс, твой приют на всю жизнь! И твой также, молодой человек, если ты согласен остаться с нами.

Глаза его слушателей невольно встретились; и если краска, выступившая на лице Елизаветы, противоречила холодному выражению ее глаз, то усмешка, мелькнувшая на губах незнакомца, по-видимому, также отрицала возможность согласия с его стороны сделаться членом семьи судьи.

Склон, по которому им приходилось спускаться, был так крут, что требовалась величайшая осторожность, чтобы благополучно проехать по узкой дороге, извивавшейся вдоль пропасти. Негр сдерживал ретивых коней, давая таким образом Елизавете время рассмотреть картину, которая так быстро изменялась под воздействием человека, что девушка с трудом узнавала места, которыми так часто любовалась в детстве.

Казалось, непосредственно под ними расстилалась долина, сверкающая, гладкая, окруженная со всех сторон горами, крутыми и большей частью поросшими лесом, темная зелень которого составляла резкий контраст с белизной снега. То тут, то там выступали длинными, низкими мысами холмы, нарушая однообразие контуров. Дальше голые, ровные, без единого деревца, хижины или забора снежные поля казались пеленой облаков, опустившихся на землю.

Кое-где, впрочем, на ровной поверхности виднелись темные движущиеся пятна, в которых зоркие глаза Елизаветы узнавали сани, направлявшиеся из деревни или возвращавшиеся туда. На западной окраине долины горы, такие же высокие, были уже не так круты, спускались отлого, образуя ложбины и ущелья или террасы и котловины, доступные для земледелия. Хвойные леса покрывали ближайšie к долине холмы, но волнистые очертания отдаленных гор, одетых рощами кленов и буков, давали отдых глазу и указывали на более плодородную почву.

Местами среди этих лесов мелькали белые пятна, и столбы дыма, поднимавшиеся над деревьями, говорили о человеческих жилищах и новых расчистках. Иногда эти пятна сливались в целые поселки; но большей частью они были рассеяны отдельными островками. Перемена во внешнем виде местности была так велика, что Елизавете, с немим изумлением следившей за превращениями, которым подверглась страна в такой короткий промежуток времени, казалось порою, что она видит сон.

На западной стороне этой долины выступы гор были многочисленнее и больше, чем на восточной; один из них особенно выдавался вперед, образуя с обеих сторон два красиво выгнутые снежные залива. На самом конце его возвышался огромный дуб, осеняя долину своими ветвями. Вырвавшись из тесноты, в которой приходилось расти деревьям соседних лесов, он свободно раскидывал свои кривые сучья. Только большое темное пятно на южной стороне этой площади, прямо под ногами наших спутников, подернутое рябью и курившееся легкими парами, показывало, что мнимая долина – горное озеро⁴, замерзшее от зимних холодов.

Узкий бурный поток выбегал из полыньи, прокладывая путь к югу по долине, на которой его извивы можно было проследить далеко по прибрежным кустам и соснам, и парам, клубившимся над его теплыми струями в холодном горном воздухе. Берега этого озера на южном конце его были круты, но не высоки; узкая долина простиралась к югу, насколько хватал глаз, усеянная скромными жилищами поселенцев, обилие которых свидетельствовало о плодородной почве и относительной легкости путей сообщения.

На берегу озера и потока расположилась деревня Темпльтон, состоявшая примерно из пятидесяти построек разного рода, большей частью деревянных, архитектура которых не обнаруживала особенного вкуса, а незаконченный вид свидетельствовал о торопливой работе. Они представляли собой довольно пестрое зрелище. У немногих были выделены передний и задний фасады, у большинства же более дорогая окраска имела только спереди, остальные стороны были выкрашены подешевле, в грязно-красный цвет. Две – три постройки обнаруживали разрушительные следы времени; голые бревна, видневшиеся в разбитых окнах вторых этажей, показывали, что прихоть или тщеславие заставили владельцев взять на себя задачу, оказавшуюся для них не по силам.

Постройки были сгруппированы так, что образовывали подобие городских улиц. Три – четыре строения получше, кроме однообразной белой окраски, были украшены зелеными ставнями, представлявшими странный контраст с зимней картиной озера, гор, лесов и голых снеговых полей. Перед этими нарядными постройками красовались только что посаженные деревца с редкими ветвями.

Обитатели этих зданий составляли аристократию Темпльтона, где Мармадюк был «королем». В них жили два молодых адвоката, два коммерсанта, снабжавших общину разными товарами, и доктор, который, как это ни кажется странным, чаще помогал людям появляться на этот свет, чем отправляться на тот.

⁴ На берегах этого озера, называвшегося тогда среди охотников Глиммерглас, разыгрывалось действие первого романа этой серии: «Зверобой». Здесь было жилище Канадского Бобра – Гуттера – и здесь старый Бумпо, тогда еще юноша, вступил впервые на «тропинку войны».

Посреди беспорядочной группы зданий стоял дом судьи, возвышавшийся над всеми своими соседями. Он помещался на обширной площадке, усаженной фруктовыми деревьями и обнесенной изгородью. Несколько деревьев были посажены здесь еще индейцами. Обросшие мхом, свидетельствующим о их старости, они представляли резкий контраст с молодыми насаждениями. Два ряда ломбардских тополей, – дерево, еще недавно ввезенное в Америку, – образовывали аллею от ворот сада, выходявших на главную улицу, до подъезда дома.

Дом был построен под наблюдением некоего Ричарда Джонсона. Это был великий человек на малые дела, всегда готовый проявлять свои таланты, и вдобавок дальний родственник Мармадюка Темпля, при котором состоял чем-то вроде подручного. При возведении дома Джонсон пользовался советами одного странствующего плотника, который, показывая запачканные снимки английских зданий и пересыпая свою речь непонятными строительными терминами, стал для Ричарда авторитетом во всем, что относится к строительному искусству. Правда, Джонсон утверждал, что Гирам Дулитль только грубый практик в своей профессии, и выслушивал его рассуждения об архитектуре со снисходительной улыбкой, но обыкновенно подчинялся указаниям своего помощника.

Общими усилиями они не только соорудили усадьбу для Мармадюка, но и определили архитектурный стиль целого графства, являвшийся смешением всех архитектурных стилей всех эпох и народов. «Замок», как называли поселенцы жилище темпльтонского судьи, стал образцом для всех претендовавших на роскошь зданий на двадцать миль кругом.

Дом этот был каменный, большой, квадратной формы и удобный для жилья. На этих четырех требованиях Мармадюк в свое время настаивал с необычайным для него упорством. Тополи для аллеи, идущей к дому судьи, были выписаны из Европы. Посаженные деревья и кустарники прижились, но тут же рядом холмики снега указывали на пни, оставшиеся после расчистки, а местами обугленные стволы торчали из-под белой пелены. Такие же обожженные стволы часто попадались на соседних полях, иногда рядом с засохшими деревьями с ободранной корой, грустно покачивавшими обнаженными ветвями.

Но эти и многие другие подробности ускользали от внимания восхищенной Елизаветы, видевшей только группу домов, разбросанных у ее ног, пятьдесят столбов дыма, поднимающихся, извиваясь, над долиной, замерзшее озеро в рамке холмов, одетых вечнозеленым лесом, отбрасывавшим в этот час заката длинные тени на белый снег, темную ленту потока, извивавшуюся по долине, – памятные, хотя изменившиеся, картины детства.

Для молодого охотника и судьи картина не представляла интереса новизны, но она восхищала и их. Молодой человек окинул ее любующимся взглядом, снова опустил голову и погрузился в размышления, а судья с удовольствием созерцал картину благосостояния поселка, – результат, как он был уверен, его предприимчивости и энергии.

Но вдруг внимание путешественников привлек веселый звук бубенчиков, возвещавших, что кто-то едет к ним навстречу по склону холма и притом, судя по звуку, на хорошей упряжке и не жалея лошадей. Кусты, окаймлявшие дорогу, не позволяли разглядеть что-нибудь, и двое саней почти столкнулись, прежде чем ехавшие смогли увидеть друг друга.

Глава IV

Большие сани, запряженные четверней, показались из-за кустов, окаймлявших дорогу. Уносная пара была серой масти, дышловая – вороной. Бесчисленные бубенчики были прицеплены к сбруе всюду, где только нашлось для них место, и быстрое, несмотря на крутизну подъема, движение заставляло их звенеть еще сильнее.

В санях сидело четверо мужчин. На козлах находился маленький человечек в большом сером плаще с меховой выпушкой, из которого выглядывало его лицо, равномерно красное от мороза. Он вытягивал шею, точно недовольный тем, что малый рост чересчур приближал его к земле, и имел озабоченный вид делового человека. Он правил горячими лошадьми и бесстрашно гнал их по краю пропасти.

За ним, лицом к двум остальным, помещалась долговязая фигура, до того тощая, что казалось, что природа создала его с целью оказывать при движении наименьшее сопротивление воздуху. Только огромные, выпуклые, светло-голубые глаза не соответствовали этой цели. Бледный цвет лица седока не уступал даже морозу.

Против него помещалась плотная, коренастая, квадратная фигура, отдельные очертания которой нельзя было различить под теплой одеждой, кроме лица, оживленного парой черных глаз. Изящной рамкой для этого лица служил прекрасный пышный парик; как и первые двое, этот пассажир был в шапке из куньего меха.

Четвертый был человек с длинным, смиренным лицом, в черном, сшитом не без претензии, но поношенном и порыжевшем сюртуке, составлявшем его единственную защиту от холода. На нем была шляпа, весьма приличная, но почти утратившая ворс от частого применения щетки. Лицо его было бледно, но мороз все же вызвал на нем легкий, несколько лихорадочный румянец. Весь его вид, особенно в сравнении с веселым выражением его ближайшего соседа, указывал на постоянную озабоченность. Лишь только сани съехались, кучер закричал:

– Держи в каменоломню, держи туда, греческий царь! Держи в каменоломню, Агамемнон, иначе нам не разъехаться. Добро пожаловать, кузен Дюк, с приездом, с приездом, черноглазая Бесс! Видишь, Мармадюк, я выехал с избранной компанией устроить тебе почетную встречу. Месье Лекуа надел только одну шапку, старый Фриц не кончил бутылки, а мистер Грант не дописал заключения своей проповеди. Даже все лошади пожелали отправиться. Кстати, судья, я должен продать вороных, они засекаются, а правая плохо ходит в паре. Я могу их сбить.

– Продавай, что хочешь, Дик, – весело ответил судья, – оставь мне только дочь да землю. А, Фриц, старый дружище, это действительно любезно, когда шестидесятилетний выезжает навстречу сорокапятилетнему. Месье Лекуа, ваш слуга! Мистер Грант, – тут он приподнял шляпу, – сердечно благодарю вас за внимание! Позвольте вас познакомить с моей дочерью. Ваши имена ей хорошо известны.

– Здорово, здорово бывай, судья, – отвечал старший из компании с сильным немецким акцентом, – мисс Петси должен мне один поцелуйчик.

– И охотно заплатит долг, дорогой сэр, – ответил нежный голосок Бесси, прозвучавший, как серебряный колокольчик в чистом горном воздухе. – У меня всегда найдется поцелуй для старого друга, майор Гартман!

Тот седок, которого звали месье Лекуа, привстал не без труда в груди своих одеяний и учтиво раскланялся с судьей и Елизаветой.

– Накройся, француз, накройся! – крикнул кучер, который был не кто иной, как сам Ричард Джонсон. – Накройся, а не то мороз выщиплет остатки твоих локонов.

Месье Лекуа уселся, учтиво ослабившись словам Ричарда. Пастор Грант скромно, но сердечно, поздоровался с приезжими, а Ричард тем временем пытался повернуть коней.

Исполнить это, не поднимаясь на вершину холма, можно было только в каменоломне, огромной рытвине, из которой брали камень для деревни. Сюда-то Ричард попытался направить свою четверню. Проезд по узкой, крутой дороге сам по себе был затруднителен и небезопасен, и тем рискованнее был поворот. Негр предложил отпрячь переднюю пару, судья настойчиво советовал то же. Но Ричард с пренебрежением отнесся к их вмешательству.

– На что? Зачем, кузен Дюк? – воскликнул он с нетерпением. – Лошади смирны, как телята. Ведь вы же знаете, что я сам объезжал уносных, а дышловые у меня под кнутом, так что не будут артачиться. Здесь месье Лекуа, а он знает, как нужно править, потому что часто ездил со мною. Что вы скажете, месье Лекуа, есть ли тут хоть тень опасности?

Не в характере француза было обманывать надежды, так доверчиво возлагавшиеся на него. Хотя при виде пропасти, открывшейся под его ногами, когда Ричард повернул переднюю пару, глаза француза выкатились из орбит, как у рака, но он все же наклонил голову в знак согласия. У немца не дрогнул ни один мускул на лице, и он внимательно следил за каждым движением. Грант ухватился обеими руками за край саней, готовясь выскочить, но врожденная робость удерживала его от прыжка, к которому побуждал физический страх.

Ричард неожиданным ударом бича заставил уносных свернуть в сугроб, прикрывавший рытвину; но, провалившись в глубокий снег, горячие кони решительно отказывались идти дальше. Крики и удары кучера заставили их только попятиться на дышловых, которые в свою очередь подались назад. Единственное бревно, выдававшееся над краем обрыва и полузасыпанное снегом, было слишком слабым препятствием, и прежде чем Ричард заметил опасность положения, половина саней повисла над пропастью в тридцать метров глубины. Француз, которому с его места опасность грозящего падения была виднее, чем кому-либо, инстинктивно подался вперед и крикнул:

– Ах мой дорогой месье Джек! Ой, ой! Что вы делаете?

– Проклятие, Ритшард! – воскликнул немецкий ветеран, поглядывая через край саней с несвойственным для него волнением. – Вы сломаете сани и убиваете лошадей!

– Добрый мистер Джон, – взмолился пастор, – будьте благоразумны, добрый сэр, будьте осторожны!

– Вперед, упрямые черти! – ревел Ричард. – Вперед, говорят вам!.. Мистер Лекуай! (Ричард был слишком взволнован, чтобы соблюдать правильное произношение, о котором он вообще не особенно заботился.) Месье Лекуай, пожалуйста, освободите мою ногу, вы так при-тиснули ее, что немудрено, если кони артачатся.

– Ой, ой, ой! – воскликнул судья. – Они все убьются!

Елизавета пронзительно вскрикнула, а черное лицо Агамемнона приняло грязно-серый оттенок.

В эту критическую минуту молодой охотник, который во время обмена приветствиями упорно молчал, выскочил из саней Мармадюка и бросился к лошадям. Кони, осыпавшие ударами, продолжали бесноваться, отступая назад. Схватив под уздцы ближайшую, юноша дернул ее с такою силой, что пара последовала за ним и вернулась на дорогу, на то же место, где стояла раньше. Сани приняли обычное положение так внезапно, что опрокинулись от быстроты размаха.

Немец и богослов вылетели на дорогу, к счастью, без ущерба для своих костей. Ричард описал в воздухе дугу и шлепнулся в сугроб на расстоянии метров пяти. Так как он не выпустил из рук вожжей, уцепившись за них инстинктивно, как утопающий за соломинку, то оказался отличным якорем для удержания коней. Француз, готовившийся выскочить из саней, тоже совершил воздушное путешествие в позе игрока в чехарду и воткнулся головой в сугроб, выставив наружу пару тощих ног. Майор Гартман, сохранивший удивительное самообладание в течение всего этого происшествия, первый встал на ноги.

– Тшорт побери, Ритшард! – воскликнул он полусерьезным, полукомическим тоном. – У вас отшень странная манера вигружать ваши сани.

Ричард Джонс, как только туман перед его глазами мало-помалу рассеялся и он убедился, что все благополучно, воскликнул с величайшим самодовольством:

– Благополучно отделались все-таки! Хорошо, что я вовремя отпустил вожжи, а то бы эти бешеные черти были уже на дне пропасти. Ловко я вывернулся, Дюк! Еще минута, и было бы поздно. Но я вовремя хлестнул правую уносную, а затем разом отпустил вожжи. Вот что называется хорошо править, смею сказать!

– Хлестнул! Вывернулся!.. – хохотал судья. – Дик, если бы не этот смелый молодец, ты и твои или, точнее говоря, мои кони разбились бы вдребезги... Но где же месье Лекуа?

– О, мой дорогой судья! Друг мой, – донесся приглушенный голос, – я еще жив! Мистер Агамемнон, сделайте одолжение, пожалуйста сюда и помогите мне встать!

Богослов и негр схватили увязнувшего француза за ноги и вытащили его из глубокого сугроба, откуда его голос звучал, точно из могилы. Хорошее настроение вернулось к нему, лишь только месье Лекуа убедился, что цел и невредим, но он не сразу понял, что, собственно, произошло. – Как, месье, – сказал Ричард, помогавший негру отпрягать переднюю пару, – вы здесь! Мне казалось, что вы взлетели на верхушку горы.

– Хорошо, что я не слетел вниз, в озеро, – возразил француз, на лице которого выражение боли, причиненной царапинами, полученными при падении, боролось с выражением привычной для него любезности. – Ну, мой дорогой мистер Дик, что же вы станете делать теперь, что вы намерены предпринять?

– Первое, что ему следует сделать, это научиться править, – сказал судья, вытаскивая из саней оленя и часть багажа. – Тут найдется место для вас всех, джентльмены! Мороз усиливается, и приближается час службы мистера Гранта. Мы предоставим нашему другу Джонсу возиться с четверней при помощи Агамемнона, а сами поспешим к теплу. Вот, Джонс, несколько картонок Бесс, потрудись их захватить с собой, когда повернешь сани, а вот олень, которого я застрелил, прихвати и его, пожалуйста... Эгги! Не забудь, что сегодня сочельник!

Негр осклабился, понимая, что ему обещают подарок, если он будет молчать о случае с оленем, а Ричард с нетерпением возразил, перебивая судью:

– Научиться править, кузен Дюк? Да найдется ли в округе человек, который лучше меня умеет управляться с лошадьми? Не я ли объездил кобылу, на которую никто не решался сесть? Правда, ваш кучер уверяет, будто он объездил ее раньше, чем я к ней притронулся, но всем известно, что он врет, он всегда был вралем... Это что, олень?

Ричард бросил лошадей и подбежал к тому месту, где Мармадюк положил оленя.

– Олень! Удивительно! Каково, две раны: он стрелял из обоих стволов и попал оба раза! То-то будет хвастаться Мармадюк! Он ведь отчаянно хвастается всяким пустяком. Нет, вы подумайте, Дюк убил оленя под сочельник! Да где ему, впрочем! Оба выстрела наудачу... попал случайно. Вот я так никогда не стреляю два раза: или попал, или промахнулся; зверь или падет, или бежит; разве на медведя или пантеру могут понадобиться оба ствола. Послушай, Эгги, далеко ли был олень, когда судья стрелял в него?

– Э, масса Ричард, шагах в семидесяти, – ответил негр, нагнувшись, как бы для того, чтобы поправить сбрую, но на самом деле скрывая усмешку, раздвинувшую ему рот до ушей.

– Семьдесят шагов! – воскликнул Ричард. – А вот олень, которого я убил прошлой зимой, был на полтора шагов, Эгги, да, если не на двести. Я бы не стал стрелять в оленя за семьдесят шагов. Кроме того, помнишь, Эгги, я стрелял только раз.

– Да, масса Ричард, я это помню! Второй выстрел был Натти Бумпо. Вы знаете, сэр, люди говорят, будто Натти убил его.

– Люди врут, черный мошенник! – крикнул Ричард с гневом. – Я ни одной белки не убил за последние четыре года без того, чтобы этот старый мошенник или кто-нибудь за него не

приписал этого выстрела себе. Этот свет так завистлив, люди всегда стараются умалить чужую заслугу!

Ричард на минуту остановился и откашлялся, чтобы прочистить глотку, негр же в почтительном молчании продолжал приводить в порядок сани. Квакерские нравы запрещали судье владеть рабами, и Эгги был как бы невольником Ричарда на срок⁵ и тот, конечно, требовал повиновения со стороны молодого негра. Подождав немного, Ричард продолжал:

– Вот и этот молодой человек, что был в ваших санях, наверное, будет рассказывать всем и каждому, как он спас моих лошадей, хотя, подожди он полминуты, я, действуя кнутом и вожжами, управился бы с ними гораздо лучше, не выворотив саней. Ведь лошади портятся, если их дергать за узду. Что это за молодец, Эгги, – я, кажется, не видел его раньше?

Негр вспомнил намек судьи на подарок и объяснил в коротких словах, что они захватили незнакомца на вершине горы, но умолчал о ране и прибавил только, что он иностранец. В то время было в обычае забирать в сани пешеходов, бредущих по снегу, так что Ричард удовлетворился этим объяснением. Он внимательно выслушал негра и заметил:

– Ну, если парнишка не испорчен темпльтонами, то, может быть, он, действительно, скромный молодой человек, и так как намерения у него были хорошие, то я им займусь... Может быть, он охотник, а? Эгги, охотник?

– А, да, масса Ричард, – отвечал негр не без смущения, – кажется, охотник.

– Был у него какой-нибудь узел, топор?

– Нет, сэр, только ружье.

– Ружье! – воскликнул Ричард, заметив смущение негра. – Да ведь это, значит, он и убил оленя! Я знаю, что Мармадюк не мог попасть в оленя на бегу. Как это было, Эгги? Расскажи мне все, и я поджарю Дюка прежде, чем он успеет зажарить оленя. Как это было, Эгги? Парень убил оленя, а судья купил его, ха! И взял с собой молодца, чтобы заплатить ему.

Удовольствие по поводу этого открытия привело Ричарда в такое хорошее настроение, что страх негра несколько рассеялся, и, помявшись немного, он ответил:

– Вы забываете, что было два выстрела, сэр!

– Не лгать, черный мошенник! – воскликнул Ричард, подняв бич и подвигаясь к негру. – Говори правду или получишь трепку.

Убедившись, что бича не избежишь, негр сдался. В нескольких словах он рассказал своему хозяину о происшествии, заклиная Ричарда заступиться за него перед судьей.

– Заступлюсь, заступлюсь, малый! – воскликнул тот, потирая руки от удовольствия. – Будь покоен, я слажу с Дюком. Я хотел бы оставить оленя здесь, пусть он посылает за ним сам; но нет, я предоставлю Мармадюку еще похвастать, а затем и накрою его. Ну-ка, торопись, Эгги, я должен помочь при осмотре раны молодого человека. Этот янки доктор ничего не смыслит в хирургии – я держал ногу старика Миллигэна, пока он резал ее.

Говоря это, Ричард уселся на козлы, негр поместился на заднем сиденье, и сани тронулись в путь. Спускаясь во весь дух с холма, Джонс повернулся лицом к Агамемнону, продолжая разговор, так как минутная ссора не помешала восстановлению между ними наилучших отношений:

– Это доказывает, что повернул лошадей я, потому что человек с раной в правом плече не справится с такими бешеными чертями. Я знал это, но не хотел тратить слов с Мармадюком... Но, но, любезные, шевелись!.. Да, да, теперь уже Дюк не будет подшучивать над моим оленем! Выпалил из обеих стволов и попал только в парня, стоявшего за деревом.

⁵ Уничтожение невольничества в Нью-Йорке совершилось не сразу. Когда общественное мнение стало резко высказываться против невольничества, развился обычай покупать услуги раба на шесть или восемь лет, под условием освобождения по истечении этого срока. Квакерам, которым «религиозные убеждения» не позволяли открыто пользоваться рабами, тем не менее поощряли подобное рабство «на срок». Таким образом и «волки были сыты, и овцы целы».

Так Ричард спускался с горы. Бубенчики звенели, его болтовня не отставала от них, пока сани не въехали в деревню, где все внимание Джонса было поглощено желанием показать свое искусство женщинам и детям, толпившимся у окон, чтобы поглазеть на въезд своего земельного владельца и его дочери.

Глава V

Извивавшаяся по склону холма дорога, достигнув его подошвы, шла под прямым углом к деревне Темпльтон. Через быстрый поток был перекинут мост из тесаных бревен. Этот маленький поток, темные воды которого струились по известнякам, выстилавшим его дно, был одним из бесчисленных истоков Сосквеганны, реки, которая впадает в Атлантический океан. В этом месте ретивая четверка мистера Джонсона догнала более спокойных лошадей судьи.

Расставшись с Ричардом, Елизавета взглянула на диск заходившего солнца, медленно исчезавшего за западными холмами. Последние лучи его озаряли вершины гор; ярко освещенные березы почти сливались с белизной снега; силуэты темных сосен отчетливо выделялись на небе; крутые склоны, на которых не держался снег, заблестели под угасавшими лучами. Но с каждым шагом, спускаясь с горы, Елизавета замечала, что они оставляют день за собою. В холодный сумрак долины не проникали лучи декабрьского солнца.

На вершинах восточного ряда холмов слабый свет еще держался, мало-помалу угасая в тучах, собиравшихся вместе с вечерним туманом на горизонте. Замерзшее озеро покрылось тенью. Очертания построек становились туманными и неясными. Дровосеки с топорами на плечах возвращались по домам. Они останавливались на минутку взглянуть на проезжавшие экипажи, снимая шапки перед Мармадюком, фамильярно кивая головою Ричарду и исчезая затем в своих жилищах. Когда лошади свернули в ворота, и Елизавета увидела перед собою холодные каменные стены дома в глубине аллеи оголенных тополей, ей показалось, что вся прелесть горного вида исчезла, как сновидение.

Мармадюк не употреблял бубенчиков, оставаясь в этом отношении верным своим старым привычкам, но сани мистера Джонсона влетели вслед за ним в ворота с шумом и звоном. Дом мгновенно оживился.

Из дверей подъезда выбежала прислуга: две или три женщины и один мужчина. Последний был без шапки, но, видимо, в более парадной одежде, чем обыкновенно. Он был невысокого роста, но атлетического телосложения, с плечами, которые сделали бы честь любому грекнадеру. Его низкий рост казался еще меньше вследствие привычки наклоняться вперед, быть может, для того, чтобы дать больше свободы рукам, которые странно раскачивались взад и вперед, когда их владелец двигался. У него было длинное, багрово-красное лицо; маленький вздернутый нос; огромный рот с превосходными зубами и голубые глаза, смотревшие на все окружающее с каким-то привычным презрением. Голова его составляла добрую четверть всей его длины, а коса, висевшая на затылке, занимала еще столько же. На нем был камзол очень легкого сукна с большими пуговицами, украшенными изображением якоря. На ногах он носил башмаки с большими пряжками и синие чулки с белыми полосками.

Этот странный человек являлся, по его словам, уроженцем графства Корнуэльс в Великобритании. Детство свое он провел по соседству с оловянными копями, а молодость – кают-юнгой на судне, возившем контрабанду. С этой службы он перешел на королевскую, где за неимением лучшего был взят в каюты сначала слугою, потом буфетчиком.

В один прекрасный день, еще до того, как Елизавета была отправлена в школу, он очутился в семье Мармадюка, где стал экономом под началом мистера Джонса. Имя этого почтенного эконома было Бенджамен Пенгвильян, но его любимый рассказ о том, как он работал у помп, чтобы спасти от потопления корабль, который он часто повторял, доставил ему кличку Бен Помпа.

Рядом с Бенджаменом стояла женщина средних лет, в коленкоровой кофте, белизна которой составляла резкий контраст с цветом ее кожи, – высокая, тощая, бесформенная фигура с резкими чертами и несколько желчным выражением лица. Эта девица заведывала женской

прислугой дома и носила имя Ремаркабль Петтибон. Елизавете она была совершенно незнакома, так как поступила в дом после ее отъезда.

Тут же оглашался воздух собачьими голосами всех тонов, от грубого лая волкодава до звонкого тьяканья терьера, все население псарни Ричарда... Хозяин ответил на это шумное приветствие подражанием при помощи собственного горла, которое, по-видимому, сконфузило сразу замолчавших собак. Только огромный волкодав в медном ошейнике с буквами «М. Т.» с самого начала безмолвствовал. Он подошел среди общей суматохи к судье, а затем, когда тот потрепал его по шее, к Елизавете, которая ласково погладила его и назвала «Старым Храбрым». По-видимому, животное узнало ее и следило за ней, пока она поднималась по ступенькам.

Елизавета прошла за отцом, остановившимся на минуту, чтобы передать вполголоса какое-то приказание прислуге, в большую залу, тускло освещенную двумя свечами в высоких, старомодных медных подсвечниках.

– Прекрасно, Бенджамен! Отлично, Бен Помпа! – раздался голос появившегося Ричарда Джонсона. – Так-то вы встречаете наследницу? Извините его, кузина Елизавета! Приготовления были слишком сложны, чтобы доверить их кому бы то ни было, но теперь я здесь, и дела пойдут на лад. Зажигайте свечи, мистер Пенгвильян, зажигайте, зажигайте, и дайте нам взглянуть друг на друга. Ну, Дюк, я привез вашего оленя. Что с ним делать, а?

– Уверю вас, сквайр, – возразил Бенджамен, – если бы все распоряжения были отданы пораньше, можно было бы все устроить, изволите видеть, к вашему удовольствию. Я созвал все руки и принялся зажигать свечи, когда вы показались на горизонте; но лишь только бабы услышали ваши бубенчики, они ринулись вон, точно на свисток боцмана, а справляться с бабами Бенджамен Помпа не мастер. Но мисс Бетси изменилась бы сильнее, чем приватир под фальшивым флагом, если бы рассердилась на старого слугу за то, что он не успел зажечь несколько свечей.

Спустя несколько минут зала озарилась ярким светом.

Окончив свою часть работы по зажиганию свечей, Ремаркабль Петтибон подошла к Елизавете, как бы с целью принять от нее теплые вещи. Из-под шалей, манто, боа, капюшона, снимавшихся один за другим, появились черные локоны Елизаветы, блестящие, как вороново крыло, обрамлявшие лицо с прекрасными, но властными чертами, полными жизни и здоровья. Лоб ее был безупречной формы; нос можно было бы назвать греческим, если бы не легкая горбинка, которая, нарушая правильность очертаний, увеличивала их прелесть. Все это, как и стройную фигуру с уже созревшими формами, она унаследовала от матери. Даже цвет глаз, брови дугою, длинные шелковистые ресницы напоминали мать, и только выражение лица было отцовским. Спокойная и невозмутимая, она была кротка, добродушна и приветлива, но могла поддаваться вспыльчивости, и притом довольно легко.

Когда была сброшена последняя шаль, и Елизавета выпрямилась в роскошной синей амазонке, с разругавшимися щеками, слегка подернутыми влагой глазами, красота которых от этого еще увеличивалась, Ремаркабль почувствовала, что ее собственной власти пришел конец.

Между тем все приезжие разделись. Елизавета теперь окинула взглядом комнату. После угрюмого ноябрьского вечера теплота и блеск помещения производили приятное впечатление. Глаза девушки не умели заметить мелких изъянов обстановки, но с удовольствием осматривали комнату, пока не остановились на предмете, представлявшем резкий контраст с улыбающимися лицами собравшихся.

В углу зала, близ входа, стоял молодой охотник, никем не замеченный и на минуту позабытый всеми. Но даже рассеянность судьи, который под влиянием суматохи забыл о ране этого незнакомца, была превзойдена равнодушием самого юноши. Войдя в комнату, он машинально снял шапку и обнажил голову, волосы которой могли бы соперничать цветом и блеском с кудрями Елизаветы.

Наружность молодого охотника отличалась не только привлекательностью, но было нечто гордое в очертаниях его головы и лба. Самая манера держаться и выражение лица его показывали, что, несмотря на свой грубый, почти дикий костюм, он не только привык к роскоши, которая в этих новых поселениях казалась чем-то необычайным, но даже относился к ней с пренебрежением.

Рука, державшая шапку, слегка касалась клавиш фортепьяно, как предмета, хорошо знакомого. Другая была вытянута во всю длину, и кисть ее почти судорожно сжимала дуло длинного ружья. Эта поза была произвольной и, очевидно, вызванной гораздо более глубоким чувством, чем изумление. Грубое платье незнакомца делало его совершенно непохожим на светливую группу, толпившуюся вокруг приезжих, в другом конце залы. Елизавета не без удивления смотрела на него. Брови незнакомца хмурились все сильнее по мере того, как он переводил глаза с предмета на предмет. По временам лицо его принимало гневное выражение, которое снова сменялось каким-то скорбным волнением.

– Мы забываем, папа, о незнакомом джентльмене (Елизавета ни за что не решилась бы назвать его иначе), которого привезли сюда, чтобы помочь ему, и о котором нам следует позаботиться.

Глаза всех мгновенно устремились в том же направлении, куда смотрела она, а молодой человек довольно надменно выпрямился и сказал:

– Моя рана пустяшная, и если не ошибаюсь, судья Ремпан послал за доктором тотчас же после приезда.

– Конечно, – отвечал Мармадюк, – я не забыл о цели посещения и о моем долге.

– О! – воскликнул Ричард с лукавым смехом. Наверное, ты должен этому молодцу за оленя, которого ты убил, кузен. Ах, Мармадюк, Мармадюк! Славную ты сказку сплел насчет оленя. Вот вам два доллара за оленя, а судья Темплъ заплатит доктору. За мои услуги я с вас ничего не потребую, а они будут вам полезны. Полно, полно, Дюк, не огорчайся; если ты промахнулся по оленю, то попал в этого беднягу, да еще сквозь сосновый ствол. Теперь я должен согласиться, что ты превзошел меня: мне никогда в жизни не случалось сделать ничего подобного.

– И не случится, надеюсь, – возразил судья, – если ты только представляешь себе, что я должен был почувствовать. Но будь повеселее, мой юный друг, рана, должно быть, не опасна, если ты можешь свободно двигать рукой.

– Не ухудшай положения, Дюк, толкуя о хирургии, – перебил мистер Джонс, презрительно махнув рукой, – это наука, которой можно овладеть только на практике. Ты знаешь, что мой дед был доктором, но в моих жилах нет ни капли «медицинской» крови. Вся моя семья с отцовской стороны понимала толк в медицине. Мой дядя, который был убит при Брандуайне, умер так легко, как ни один человек в полку, именно потому, что умел испустить дух по законам науки.

– Я не сомневаюсь, Дик, – возразил судья, заметив невольную усмешку на лице незнакомца, – что твоя семья умела помогать своим пациентам испускать дух.

Ричард холодно выслушал его и, засунув руки в карманы, принялся насвистывать какую-то арию; но желание возразить взяло верх, и он воскликнул:

– Ты можешь сколько угодно смеяться, судья Темплъ, но даже этот молодой человек, который ничего не видел, кроме медведей, оленей и куропаток, знает, что хорошие качества передаются по наследству. Не правда ли, друг?

– Я думаю, что дурные не передаются, – отрывисто сказал иностранец, переводя взгляд с отца на дочь.

Ричард остановился и взглянул на незнакомца, слегка удивленный его выражениями и пораженный смыслом ответа. Он засунул руки в карманы, подошел к Гранту и сказал вполголоса:

– Помяните мое слово, все поселенцы будут говорить, что мы бы сломали шею, если бы не этот молодец. Точно я не умею править! А между тем вы бы сами могли повернуть лошадей, сэр; ничего не могло быть проще: стоило только натянуть вожжи и хорошенько хлестнуть уносную. Надеюсь, дорогой сэр, вы не ушиблись, когда этот малый вывернул нас?

Появление доктора помешало Гранту ответить.

Глава VI

Доктор Эльнатан Тодд считался среди поселенцев человеком с большими дарованиями и, несомненно, представлял редкое явление, но... только по своим размерам. Высота его, без сапог, равнялась почти двум метрам. Его руки, ступни и колени во всех отношениях соответствовали этому чудовищному росту, но все остальные части его особы по своим размерам, за исключением длины, словно предназначались для человека в несколько раз меньше. Плечи его были так узки, что длинные болтающиеся руки казались выросшими из спины. Необыкновенно длинная шея поддерживала крохотную головку с пучком рыжих взъерошенных волос и маленьким беспокойным личиком, вечно старавшимся придать себе умное выражение.

Он был младшим сыном фермера в западной части Массачусетса. Мальчиком от нечего делать он постоянно бродил около дома, жевал зеленые яблоки и отыскивал ягоды. В это времяпрепровождении сына пронизательный взор матери усмотрел проявление скрытых талантов, определивших его будущую карьеру. «Эльнатан создан для того, чтобы быть доктором, – решила она, – потому что он вечно роется, отыскивает какие-то травы и пробует жевать решительно все, что растет на наших участках». Это открытие решило судьбу Эльнатана. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его отправили в школу. Так как мальчик не был лишен природных способностей, то вскоре он выделился в школе своими успехами. Кроме того, учитель подтвердил, что «парнишка имеет естественную склонность к медицине, так как ему, учителю, не раз приходилось слышать, как он уговаривал младших детей не есть слишком много, если же глупые ребята не хотели слушать его советов, то Эльнатан отнимал и съедал их завтрак, чтобы предупредить вредные последствия». Обрадованным родителям не оставалось ничего другого, как отдать его после этого в ученики к деревенскому доктору.

Через год и три или четыре месяца несколько пожилых леди выбежали однажды из дома одной бедной женщины в деревне, между тем как другие сновали туда и сюда, по-видимому, в величайшей тревоге. Двое или трое ребят вскочили на неоседланных лошадей и поскакали по разным направлениям. Все расспрашивали, не видел ли кто-нибудь доктора, но доктора не нашли, и в конце концов увидели Эльнатана, выходявшего из дверей с важным видом в сопровождении маленького белоголового, запыхавшегося мальчугана, который трусил перед ним рысцей. С этого вечера, когда он, за отсутствием врача, был приглашен к молодой женщине, нуждавшейся в услугах акушера, все начали величать Эльнатана официальным титулом: «доктор».

Еще через год доктор Тодд достиг совершеннолетия. Тогда он отправился в Бостон закупить лекарств и, как утверждали некоторые, попрактиковаться в госпитале. Через две недели он вернулся домой с каким-то ящиком подозрительного вида, издававшим сильный запах серы.

В ближайшее воскресенье доктор Тодд женился, а на другое утро выехал вместе с молодой супругой в одноконных санях, увозя с собой ящик.

Вскоре друзья молодоженов получили известие, что Эльнатан «поселился в новых поселках и занялся врачебной практикой в Темпльтоне, в штате Йорк».

Тодд был порядком смущен, когда вошел в залу. Она была так ярко освещена, выглядела такой пышной и внушительной в сравнении с наскоро построенными и скудно меблированными домишками его обычных пациентов и наполнена толпой таких нарядных и, видимо, встревоженных людей, что его вообще крепкие нервы несколько расстроились. Посланный сообщил ему, что дело идет о ружейной ране, и он явился со своими сумками; воображение рисовало ему порванные артерии, пробитые легкие, поврежденные внутренности, словно он отправлялся на поле битвы, а не в мирное жилище судьи Темпля. Прежде чем смущенный доктор успел осмотреться, судья подошел к нему, дружески пожал руку и сказал:

– Ты кстати явился, добрейший мой, очень кстати: здесь есть молодой человек, которого я ранил нечаянно, стреляя в оленя, и который нуждается в твоей помощи.

– Стреляя в оленя, Дюк, – перебил Ричард, – стреляя в оленя! Может ли он правильно лечить, если не будет знать всей правды? Ты думаешь, что и доктора можно обманывать так же безнаказанно, как всякого другого?

– Действительно, стреляя в оленя, – с улыбкой повторил судья, – хотя я не совсем уверен, что помог убить его. Как бы то ни было, юноша ранен моею рукою, и твое искусство должно помочь ему, а мой карман щедро вознаградить тебя.

– Две вещи, на которые можно положиться, – заметил месье Лекуа, учтиво кланяясь судье и доктору.

– Благодарю вас, месье, – ответил судья, – но мы заставляем страдать молодого человека. Ремаркабль, принеси, пожалуйста, полотна для перевязки.

Это замечание положило конец обмену любезностями и заставило доктора устремить свой взор на пациента.

Во время этого разговора молодой охотник скинул куртку и оказался в простой светлой блузе из местного холста, очевидно, недавно сшитой. Он хотел было расстегнуть ворот, но внезапно остановился и взглянул на Елизавету, которая стояла неподвижно, слишком поглощенная своим беспокойством, чтобы что-нибудь предпринять. Легкая краска появилась на лице юноши.

– Вид крови может обеспокоить леди: не лучше ли нам перейти в другую комнату?

– Никоим образом, – возразил доктор Тодд, который, убедившись, что его пациент вовсе не важная особа, готов был гораздо смелее приняться за дело; – яркое освещение этой комнаты благоприятствует операции, тем более, что мы, ученые, редко имеем хорошее зрение.

Говоря это, Эльнатан водрузил на свой нос очки в железной оправе, которые, точно в силу давнишней привычки, немедленно спустились на кончик его носа; таким образом, если они не помогали его глазам, то и не мешали видеть, так как его маленькие серые глазки сверкали над ними, как две звезды, выступающие из-за облаков.

Слова незнакомца привели в себя Елизавету, которая встрепенулась, вспыхнула и, сделав знак горничной, вышла из комнаты.

Теперь поле действия было свободно для врача и его пациента, вокруг которых собрались остальные, выражая на своих лицах различную степень сочувствия и интереса. Только майор Гартман остался на своем месте, продолжая выпускать огромные клубы дыма и то устремляя глаза на потолок, как-будто размышляя о превратностях жизни, то полуравнодушно обращая их на раненого.

Тем временем Эльнатан, для которого ружейная рана была совершенной новостью, начал свои приготовления с торжественностью и тщательностью, соответствующими важности случая. Бенджамен раздобыл старую рубашку и вручил ее доктору, который разорвал ее на бинты с точностью, свидетельствующей как об его искусстве, так и о серьезности операции.

Когда эти подготовительные меры были приняты, доктор Тодд выбрал кусок полотна и, протягивая его мистеру Джонсу, сказал:

– Вы опытни в этих вещах, сквайр Джонсон; не будете ли добры нащипать корпии? Она должна быть тонкая и нежная, мой дорогой сэр; и постарайтесь, пожалуйста, чтобы в нее не попала нитка, которая может отравить рану. Эта рубашка сшита бумажными нитками, но вам не трудно будет выдернуть их.

Ричард взял лоскут и принялся старательно щипать корпию.

Доктор начал выкладывать на стол склянки, коробочки с пластырем и различные хирургические инструменты. По мере того, как последние появлялись один за другим из красного сафьянового саквояжа, их владелец осматривал каждый инструмент с величайшим вниманием. Красный шелковый платок часто пускался в ход для того, чтобы удалить с блестящей поверх-

ности малейшие посторонние тела, которые могли бы помешать операции. После того, как сак-воаж, содержавший эти инструменты, опустел, доктор обратился к сумкам и стал доставать из них склянки с жидкостями самых ярких цветов. Расставив их в совершенном порядке рядом с убийственными пилами, ножами и скальпелями, Эльнатан выпрямился во весь свой бесконечный рост и оглянулся, как бы желая узнать, какое впечатление производит эта выставка на зрителей.

– Честное слово, доктор, – заметил майор Гартман, лукаво подмигивая своими черными глазками, причем все остальные черты его лица оставались неподвижными, – ваш набор отпечь карош, а микстур блестит для глаз лучше, чем для живот.

Между тем молодой охотник без посторонней помощи обнажил свое плечо, на котором виднелась небольшая рана. Холод зимнего вечера остановил кровотечение, и доктор Тодд, бросив беглый взгляд на рану, подумал, что операция не так трудна, как он воображал. Ободренный этим, он подошел к пациенту, собираясь прозондировать рану.

Впоследствии Ремаркабль часто рассказывала со всеми подробностями об этой «знаменитой» операции.

– ...Тогда доктор достал из футляра длинную штуку, вроде вязальной спицы с пуговкой на конце, – говорила она, – и засунул ее в рану, молодой человек сделал ужасную гримасу, и я думала, что упаду в обморок, а доктор просунул ее сквозь плечо, и пуля оказалась с другой стороны. И вот каким образом доктор Тодд вылечил молодого человека и достал пулю, которую судья всадил в него: так же просто, как я выковыриваю занозу иголкой.

Таковы были впечатления Ремаркабль, но этот рассказ довольно сильно уклонялся от истины.

Когда доктор попытался ввести в рану инструмент, описанный Ремаркабль, охотник решительно оттолкнул его и сказал слегка презрительным тоном:

– Мне кажется, сэр, можно обойтись без исследования; картечь не задела кости и прошла сквозь плечо на противоположную сторону, где остановилась под самой кожей, так что извлечь ее будет нетрудно.

– Как вам угодно, сэр, – сказал доктор Тодд, откладывая инструмент с видом человека, которой взял его только на всякий случай; затем, обратившись к Ричарду, он пощупал корпию:

– Превосходно нащипано, сквайр Джонс! Это лучшая корпия, какую мне случалось видеть. Мне нужна ваша помощь, добрейший сэр, потрудитесь держать руку пациента, пока я буду делать надрез. Я положительно думаю, что не найдется другого джентльмена, который бы умел щипать корпию так искусно, как сквайр Джонс.

– Такие вещи передаются по наследству, – сказал Ричард, поспешно вставая, чтобы оказать требуемую услугу.

– Истинная правда, сквайр! – воскликнул Бенджамен. – Я сам видел, как дети матросов взбирались на топ-мачты, еще не научившись ходить.

– Бенджамен дело говорит, – подхватил Ричард, – я думаю, он не раз видел на разных судах, где ему приходилось служить, как доктора извлекали пулю; пусть он держит нам таз: он привык к виду крови.

Доктор Тодд сделал надрез на плече молодого охотника и пуля оказалась наружу. Эльнатан взял пинцет, собираясь вытащить пулю, но вследствие неожиданного движения пациента она выпала сама собою. Тут оказались кстати длинные руки оператора. Одна из них подхватила пулю, а другая сделала двусмысленное движение, словно извлекая пулю. Ричард воскликнул:

– Чисто сделано, доктор! Я никогда не видел, чтобы пуля была извлечена так ловко; и, смею думать, Бенджамен скажет то же самое.

– Не спорю, – возразил Бенджамен, – сработано искусно, на бристольский манер. Теперь доктору остается только заткнуть дыры пробками, и молодой человек может плавать под всяким ветром, какой только дует в этих холмах.

– Благодарю вас, сэр, за вашу услугу, – сказал юноша, – но вот человек, который позаботится обо мне и избавит вас всех, джентльмены, от дальнейших хлопот.

Вся группа с удивлением повернула головы: в дверях залы стоял старый индеец Джон Чингачгук.

Глава VII

Одежда Великого Змея, или, как его называли здесь колонисты, Джона могикана, или просто индейца Джона, представляла смесь индейского костюма с европейским. Несмотря на сильный холод, голова его была обнажена; впрочем, ее защищали густые, длинные черные волосы, не только закрывавшие лоб, но и свешивавшиеся по щекам, как-будто он хотел этим покрывалом скрыть скорбь об ушедшей славе. Его лоб был высок и широк, но той формы, которая называется римской, рот большой, с плотно сжатыми губами, выразительный и характерный, с белыми и крепкими, несмотря на семьдесят лет, зубами. Полный подбородок слегка выдавался вперед, а по выдающимся квадратным скулам можно было безошибочно определить его расу. Глаза его были невелики, но их черные зрачки, всматривавшиеся в другой конец залы, горели, как два уголька.

Убедившись, что группа, столпившаяся вокруг молодого человека, заметила его, могикан сбросил с плеч одеяло, повисшее вдоль его ног на поясе из древесной коры, охватывавшем талию.

Достоинство и независимость его осанки, когда он медленно шел по длинной зале, поразили зрителей. Его плечи и туловище до талии были обнажены, на груди висела на кожаном шнурке среди многочисленных рубцов серебряная медаль с изображением Вашингтона. Плечи его были широки, но руки, будучи сильными и пропорциональными, не обладали, однако, мускулатурой, которую развивает физический труд. Медаль была его единственным украшением, хотя огромное отверстие в ушных раковинах, отвисавших почти на два дюйма, показывало, что он носил и другие в былые дни. В руке он держал корзиночку из ясеневых прутьев, причудливо раскрашенную черной и красной красками.

Когда он приблизился к группе, все расступились, чтобы индеец мог подойти к охотнику. Он, однако, ничего не сказал, но стоял, устремив сверкающие глаза на плечо молодого человека, а затем пристально взглянул на судью. Мармадюк был немало удивлен неожиданной переменой в обращении индейца, обыкновенно спокойного и почтительного. Однако он протянул ему руку и сказал:

– Добро пожаловать, Джон! Этот молодой человек высокого мнения о твоём искусстве. Он, кажется, желает, чтобы ты лечил его рану вместо нашего доброго друга, доктора Тодда.

Могикан заговорил довольно правильным английским языком, но низким, монотонным, гортанным голосом:

– Дети Микуона⁶ не любят вида крови, а между тем Молодой Орел поражен рукой, которая не должна была бы делать ему зло.

– Могикан! Старый Джон! – воскликнул судья. – Неужели ты думаешь, что моя рука когда-нибудь проливали добровольно человеческую кровь? Стыдись, стыдись, старый Джон!

– Злоба овладевает иногда самым лучшим сердцем, – возразил Джон; – но мой брат говорит правду, его рука никогда не отнимала жизни, нет! Даже когда английские войска окрасили воды кровью его народа.

– Конечно, Джон, – сказал мистер Грант очень серьезно. – Какая причина могла бы заставить судью Темпля обидеть этого юношу, который ему незнаком, и от которого он не может ожидать ни вреда, ни пользы?

Джон выслушал пастора, а затем протянул руку и сказал с энергией:

– Он невиновен, мой брат не сделал этого.

Мармадюк принял протянутую руку с улыбкой, показывавшей, что как ни был он поражен этим подозрением, однако, не сохранил раздражения. Раненый юноша с видимым инте-

⁶ Вильям Пенн получил у делаваров прозвище Микуона.

ресом посматривал то на своего краснокожего друга, то на судью. Только после рукопожатия, означавшего примирение, Джон приступил к исполнению обязанности, для которой явился. Доктор Тодд не выразил неудовольствия по поводу этого нарушения его прав, но предоставил действовать новому лекарю с выражением, говорившим о готовности уступить капризу своего пациента теперь, когда важнейшая часть работы совершена так успешно и остаются только пустяки, которые может исполнить любой ребенок. Это именно он и шепнул на ухо месье Лекуа:

– Хорошо, что пуля была извлечена раньше, чем пришел индеец, а перевязать рану сумеет всякая старая баба. Кажется, этот молодой человек живет вместе с Джоном и Натти Бумпо, а всегда следует уступать капризу пациента, насколько это совместимо с благоразумием, месье!

– Безусловно! – возразил француз. – Вы очень искусны в операциях, мистер Тодд! Конечно, всякая старая леди может закончить то, что вы так искусно начали.

Но Ричард в глубине души питал большое почтение к познаниям могикана, особенно в залечивании ран. Томимый своим вечным желанием участвовать в чужой славе, он подошел к индейцу и сказал: – Здорово, здорово, могикан! Здорово, дружище! Я рад, что вы пришли, пусть ученый хирург, вроде доктора Тодда, режет тело, а туземец залечивает раны. Помните, Джон, как мы вправили мизинец Натти Бумпо, который он вывихнул, свалившись со скалы, когда хотел поднять куропатку? Я никогда не мог решить, кто, собственно, из нас убил птицу: он выстрелил первый, и птица упала, но поднялась снова, когда выстрелил я. Натти говорил, что я не мог убить ее, потому что дыра была слишком велика для дроби, а он стрелял пулей; но мое ружье не разбрасывает, и когда я стрелял в доску, то пробивал одну большую дыру: дробь сливалась в пулю. Не помочь ли вам, Джон? Вы знаете, что я понимаю в этих вещах!

Могикан терпеливо выслушал это обращение, и когда Ричард окончил, протянул ему корзинку с лекарствами, давая понять жестом, что он может держать ее. Джон был совершенно доволен этой ролью и впоследствии всегда рассказывал:

– Доктор Тодд и я вырезали пулю, а я и индеец Джон перевязывали рану.

Могикан не заставил пациента проявлять нетерпение, так как пришел совершенно готовым к своему делу. Он присыпал рану толченой корой, смешанной с соком какого-то растения, и быстро перевязал ее.

Пока Джон перевязывал рану, Эльнатан внимательно рассматривал содержимое корзинки могикана, которую Джон, желая поддержать конец бинта, сунул в руку доктору. Последний нашел в ней различные травы и куски коры и совершенно хладнокровно спрятал в карман несколько образчиков. Заметив, что Мармадюк следит за его движениями, он шепнул на ухо судье:

– Нельзя отрицать, судья Темплъ, что туземцы обладают практическими сведениями в лечении второстепенных болезней. У них эти вещи передаются из поколения в поколение. Я возьму эти образчики с собой и анализирую их. Если они не годятся для лечения ран, то могут оказаться полезными против зубной боли, или ревматизма, или каких-нибудь других заболеваний. Никогда не следует пренебрегать случаем чему-нибудь научиться, хотя бы от индейца.

Приложив кору, могикан передал Ричарду иголку и нитку, чтобы зашить бинт, так как этими орудиями он владел плохо, а сам, отступив немного в сторону с приличной важностью, ждал, пока тот кончит дело.

– Дайте мне ножницы, – сказал Ричард, зашив бинт, – дайте мне ножницы, так как осталась нитка, которую нужно отрезать, иначе она может попасть под перевязку и вызовет воспаление в ране. Посмотрите, Джон, я поместил корпию между двумя бинтами. Конечно, кора лучше для тела, но корпия не допустит до раны холодного воздуха. Если какая-нибудь корпия поможет ему, то именно эта; я сам щипал ее и я не откажусь щипать корпию для кого бы то

ни было в поселке. Мне ли не знать, как это делается! Ведь мой дед был доктор, и мой отец имел природную склонность к медицине.

– Вот ножницы, сквайр, – сказала Ремаркабль. – Честное слово, вы зашили эти лоскутки не хуже любой женщины.

– Не хуже любой женщины! – с негодованием отозвался Ричард. – Да разве женщины что-нибудь понимают в подобных вещах? Ну-с, молодой человек, теперь все хорошо! Картечь была вынута мастерски, хотя мне, как участнику, быть может, и не следовало бы говорить это, а рана перевязана превосходно. Вы скоро поправитесь; хотя, дергая моих лошадей, вы рисковали вызвать воспаление в плече, но оно заживет, заживет. Вы, должно быть, порядком растерялись и не привыкли обращаться с лошадьми, но я извиняю этот случай ради вашего намерения; без сомнения, вы действовали с наилучшими намерениями. Ну, теперь все ладно!

– В таком случае, джентльмены, – сказал раненый незнакомец, вставая и одеваясь, – мне нет надобности злоупотреблять далее вашим временем и терпением. Теперь остается уладить только одну вещь, именно: наши взаимные права на оленя, судья Темплъ!

– Я признаю их за тобой, – сказал Мармадюк, – и я перед тобой в долгу не только за этого оленя. Но завтра утром ты зайдешь ко мне, и мы уладим дело. Елизавета, – прибавил он, обращаясь к дочери, которая, узнав, что рана перевязана, снова вошла в залу, – прикажи угостить этого юношу прежде, чем пойдем в церковь, а Эгги пусть запряжет сани, чтобы отвезти его к другу.

– Но, сэр, я не могу уйти без части оленя, – возразил юноша в очевидной борьбе с самим собою, – я уже говорил вам, что мне самому нужна дичь.

– О, мы не будем спорить! – воскликнул Ричард. – Судья заплатит вам завтра за целого оленя, а вы, Ремаркабль, отдайте этому молодцу всю тушу, кроме седла. В конце концов вам повезло, молодой человек: вы получили рану, которая не будет иметь дурных последствий; вам перевязали ее в здешних лесах не хуже, чем в Филадельфийском госпитале, если не лучше; вы продали вашего оленя по высокой цене и можете взять почти всю тушу со шкурой на придачу. Принесите ее завтра ко мне, и я заплачу вам за нее полдоллара. Мне требуется как раз такая шкура для седла, которую я делаю для кузины Бесс.

– Очень вам благодарен, сэр, за вашу щедрость и рад, что так легко отделался, – возразил молодой охотник. – Но вы оставляете себе именно ту часть животного, которую я желаю получить. Мне самому нужно седло.

– Нужно! – воскликнул Ричард. – Это довольно сильно сказано.

– Да, нужно, – повторил молодой человек, обводя присутствующих надменным взором, как будто желая посмотреть, кто осмелится оспаривать его права. Но, встретив удивленный взгляд Елизаветы, он продолжал более мягким тоном: – Если только охотник имеет право на дичь, которую он убил, и если закон охраняет его право.

– Закон так и делает, – сказал судья Темплъ с огорченным и удивленным видом. – Бенджамен, распорядись, чтобы всего оленя положили в сани и пусть отвезут этого юношу в хижину Кожаного Чулка. Но, молодой человек, у тебя есть имя, и я надеюсь еще увидеться с тобой и вознаградить тебя за зло, которое я тебе причинил.

– Меня зовут Эдвардс, – ответил охотник, – Оливер Эдвардс. Меня нетрудно видеть, сэр; я живу поблизости и не боюсь показаться среди людей, так как никому не причинил вреда.

– Но мы причинили вам вред, сэр, – сказала Елизавета, – и, отказываясь от нашей помощи, вы очень огорчаете моего отца. Он будет рад видеть вас завтра.

Молодой охотник посмотрел на девушку, и его пристальный взгляд вызвал румянец на ее щеках. Тогда, опомнившись, он наклонил голову и ответил:

– Завтра я зайду к судье Темплю, а пока принимаю его предложение относительно саней в знак дружбы.

– Дружбы! – повторил Мармадюк. – Но рана, которую я нанес тебе нечаянно, молодой человек, не была вызвана враждебностью и не должна порождать недобрых чувств с твоей стороны.

С минуту молодой охотник стоял в нерешительности, потом обвел залу встревоженным взглядом, низко поклонился пастору и вышел из комнаты с таким видом, что никто не решился его остановить.

– Странно, что такой молодой человек так долго питает злобу, – заметил Мармадюк, когда дверь затворилась за незнакомцем. – Но, вероятно, его раздражает боль от свежей раны. Я не сомневаюсь, что завтра он будет сговорчивее.

Елизавета, к которой были обращены эти слова, ничего не ответила и медленно прошлась по зале, устремив взгляд на узоры английского ковра; Ричард громко щелкнул бичом и воскликнул:

– Ну, Дюк, ты можешь распоряжаться, как тебе угодно, но я на твоём месте не уступил бы этому молодцу. Разве эти горы, долины и леса не твои? По какому же праву этот малый и Кожаный Чулок охотятся в них? Я видел, как один фермер в Пенсильвании выпроводил охотника из своих владений. Если это мог сделать владелец сотни акров, то тем более может это сделать владелец шестидесяти тысяч, да! А если считать последние покупки, то и ста тысяч акров. Куда ни шло могикан: за ним еще можно признать некоторое право, так как он коренной житель страны. Будь я на месте Дюка, я бы завтра расклеил объявления, запрещающие всем стрелять и вообще шататься по моим лесам.

– Ритшард, – сказал майор Гартман, спокойно выколачивая трубку в стоявшую подле него плевательницу, – слушайте, я имел случай жить в лесах на река Могаук семьдесят пять лет! Лючше задевать чёрт, чем охотник! Они имеют ружье; а ружье страшнее закона.

– Разве Мармадюк не судья? – с негодованием возразил Ричард. – Какая же польза быть судьей или иметь судью, если нельзя применить закона? Я сам умею стрелять. Я не раз попадал в доллар за сто шагов.

– Ты больше проиграл долларов, чем попадал в них, Дик, – отозвался веселый голос судьи. – Но я вижу по лицу Ремаркабль, что ужин готов.

Все отправились в столовую.

Глава VIII

Столовая была просторной комнатой, размеры которой вполне соответствовали ее назначению. Тяжелый и большой стол был уже накрыт. Огромное зеркало в позолоченной раме висело на стене и отражало огонь камина, в котором весело трещали кленовые деревья. Эти дрова прежде всего привлекли внимание судьи, который воскликнул, обращаясь к Ричарду:

– Сколько раз я запрещал жечь сахарный клен в моем доме! Мне обидно видеть, как этот сок шипит на огне, Ричард! Владелец таких обширных лесов, как мои, должен подавать пример своим арендаторам, которые и без того валят леса, как-будто им конца и края не предвидится. Если так дальше пойдет, то через двадцать лет нам нечем будет топить.

– Нечем топить на этих холмах, кузен Дюк! – насмешливо воскликнул Ричард. – Топить! Ты, пожалуй, скажешь, что рыба в озере издохнет от недостатка воды, и все потому, что я думаю, когда земля оттает, отвести один-два ключа в деревню. Но у тебя вообще странные взгляды на этот предмет, Мармадюк!

– Что странного в том, – серьезно возразил судья, – что я возмущаюсь, видя, как эти жемчужины леса, эти драгоценные дары природы, источник благосостояния и богатства рубят и жгут в печке? Но когда снег сойдет, я непременно снаряжу в горы партию на поиски каменного угля.

– Каменного угля! – отозвался Ричард. – Кому придет в голову рыть каменный уголь, когда, чтобы получить бушель зерна, ему нужно выкорчевать столько деревьев, что они доставят ему топливо на целый год? Полно, полно, Мармадюк, тебе следовало бы поручить эти дела мне, потому что у меня природная способность разбираться в них. Это я приказал затопить камин, чтобы согреть мою милую кузину Бесс.

– В таком случае причина служит тебе оправданием, Дик, – сказал судья. – Но, джентльмены, мы заставляем вас ждать. Елизавета, дитя мое, садись на хозяйское место. Ричард, я вижу, намерен избавить меня от обязанности резать жаркое, так как уже занял место напротив тебя.

– Ну, конечно, – воскликнул Ричард, – придется резать индейку; а я осмеливаюсь думать, что лучше меня никто не сумеет разрезать индейку или гуся... Все уже остыло. В эту холодную погоду вынешь блюдо из печки – глядь, оно уже замерзло. Ну, садитесь, садитесь! Вам крылышко или грудь, кузина Бесс?

Но Елизавета еще не села и не решила, нужно ли ей то или другое. Она оглядывала смеющимися глазами стол, заставленный яствами. Глаза ее встретились с глазами отца, и он сказал с улыбкой:

– Как видишь, дитя мое, мы многим обязаны Ремаркабль за ее хозяйское искусство. Она соорудила действительно основательный ужин; есть чем утолить муки голода.

– Я очень рада, если судья доволен, – сказала Ремаркабль. – Но я опасаясь, что подливка покажется вам переваренной. Я полагала, что к приезду Елизаветы следует устроить все как можно лучше.

– Дочь моя теперь достигла положения взрослой женщины и с этого момента становится хозяйкой в моем доме, – заметил судья. – Приличие требует, чтобы все, кто живет со мною, называли ее мисс Елизавета.

– Скажите! – воскликнула Ремаркабль. – Где же это слыхано, чтобы молодую барышню звали мисс? Если бы у судьи была супруга, я звала бы ее миссис Темпл, но...

– Но так как у меня только дочь, то потрудитесь в будущем звать ее именно так, – перебил Мармадюк.

Так как судья казался недовольным всерьез, а в такие минуты с ним шутки были плохи, то благоразумная ключница ничего не ответила.

Все гости, как и сам судья, принялись за еду с аппетитом, обещавшим воздать величайшую честь вкусу и искусству Ремаркабль. По-видимому, хозяин считал нужным извиниться за горячность, которую он проявил по поводу кленовых дров, так как, дождавшись, пока все уселись и вооружились ножами и вилками, он заметил:

– Небрежное отношение поселенцев к благородным деревьям страны – возмутительно, месье Лекуа, как вы, без сомнения, сами заметили. Я видел, как один человек срубил огромную сосну потому, что ему нужен был материал для забора, и, отпилив кусок от комля, бросил ее гнить, хотя верхушка доставила бы ему больше, чем требуется, материала, а комель он мог продать в Филадельфии за двадцать долларов.

– Да как же, – перебил Ричард, – как бы он ухитрился отправить это бревно в Филадельфию? Разве положить его в карман, как горсть орехов? Желал бы я видеть его на Гайстрите с сосновым бревном в каждом кармане!

– Ричард, – сказал Мармадюк, – не можешь ли ты сообщить мне что-нибудь о юноше, которого я имел несчастье ранить? Он охотился на горе в обществе Кожаного Чулка, точно они одной семьи, но манеры у них совершенно различные. Этот юноша объясняется на языке образованных людей, который редко приходится слышать в этих холмах, и я крайне удивляюсь, как мог его приобрести человек, так бедно одетый и такой, по-видимому, мелкой профессии? Могикан тоже знает его. Без сомнения, он живет в хижине Натти. Обратили ли вы внимание на язык этого молодого человека, месье Лекуа?

– Без сомнения, месье Темплъ, – отвечал француз, – он разговаривает на превосходном английском языке.

– Ничего нет особенного в этом молодце! – воскликнул Ричард. – Но его надо будет посадить в колодки, если он вздумает еще раз хватать лошадей под уздцы. В жизни своей не видал такого неуклюжего молодца в обращении с лошадьми! Должно быть, ему случалось ездить только на волах.

– Ты несправедлив к нему, Дик, – сказал судья. – Он отличается, по-видимому, большим самообладанием в критические минуты. Тебе это не кажется, Бесс?

Казалось бы, этот вопрос не мог вызвать краску на лице, однако Елизавета, которую он внезапно вывел из задумчивости, вся вспыхнула.

– Мне, дорогой папа, он кажется очень ловким, проворным и мужественным; но, может быть, кузен Ричард скажет, что я так же невежественна, как и этот джентльмен!

– Ладно, ладно! – проговорил Ричард. – Мне он вовсе не кажется джентльменом. Я должен, впрочем, согласиться, что этот малый хорошо владеет ружьем. Он ловко убил оленя, Мармадюк?

– Ритшард, – сказал майор Гартман, обращая к нему свое серьезное лицо. – Этот мальшик карош! Он спасал вашу жизнь, и мою жизнь, и жизнь Гранта, и жизнь француза; и пока старый Фриц Гартман имеет кровлю над головой, он тоже имеет свой приют.

– Ладно, ладно, это ваше дело, старина, – возразил мистер Джонс, притворяясь равнодушным. – Помещайте его в вашем каменном доме, если вам угодно, майор! Я полагаю, что этот молодец никогда не жила в лучших домах, чем хижина Кожаного Чулка. Я предсказываю, что вы вскружите ему голову; он и так уже гордится тем, что схватил под уздцы моих лошадей и повернул их на дорогу.

– Нет, нет, дружище! – воскликнул Мармадюк. – Это мое дело позаботиться о юноше; я у него в долгу, не говоря уже об услуге, оказанной им моим друзьям. Но мне сдается, что он вовсе не расположен принимать услуги с моей стороны. Мне показалось, Бесс, что ему вовсе не по душе пришлось мое предложение остаться жить в этом доме.

– Право, папа, – ответила Елизавета, – я не так пристально наблюдала этого джентльмена, чтобы угадывать его чувства по наружному виду. Мне казалось, что рана должна причинять ему боль, и, естественно, было жаль его; но... – при этих словах она с сдержанным любопыт-

ством взглянула на дворецкого, – мне кажется, что Бенджамен может кое-что сообщить нам о нем. Он живет здесь довольно долго, и Бенджамен, наверно, уже встречался с ним.

– Есть! Я уже встречался с этим парнем, – подхватил Бенджамен, всегда готовый вставить свое слово. – Он таскался по горам за Натти Бумпо, гоняясь за оленями, как голландская барка на буксире у альбийского шлюпа. Хорошо владеет ружьем. Кожаный Чулок говорил при мне не далее как в четверг, когда мы собрались у Бетти Холлистер, что если этот малый выстрелил, дичь можно считать убитой. Если это правда, то не мешало бы ему убить пантеру, которую видели на берегу озера. Пантера – плохой товарищ, и мне не нравится, что она бродит в наших местах.

– Он живет в хижине Бумпо? – спросил Мармадюк.

– Они неразлучны. В пятницу будет три недели с тех пор, как он показался на горизонте с Кожаным Чулком. Они убили волка, и Натти принес его скаल्प, чтобы получить премию. Он удивительно ловко снимает скаल्प с волка, этот мистер Бумпо, и в деревне говорят, будто он напрактиковался в этом, скальпируя людей. Если это правда, то, будь я здесь командиром, как ваша честь, я бы велел отодрать его кошками. Я сам берусь смастерить кошку, да и пустить ее в ход, если не найдется никого другого.

– Не следует верить всем глупым рассказам, которые ходят здесь насчет Натти; за ним нельзя не признать как бы естественного права добывать свой хлеб охотой в этих горах; и если кто-нибудь из деревенских озорников вздумает приставать к нему, то убедится, что его защищает сильная рука закона.

– Ружье лютше закона, – заметил майор.

– Плевка стоит его ружье! – воскликнул Ричард, щелкнув пальцами. – Бен прав, и я...

Он остановился, услышав звон колокола или, вернее, колокольчика, висевшего в школе, который возвещал о начале церковной службы.

– Нам пора идти. Ведь мы единственные члены епископальной церкви в околке, то есть я, Бенджамен и Елизавета, потому что такие полуверы, как Мармадюк, по-моему, хуже еретиков...

Пастор встал, после чего все начали собираться в церковь, или, вернее, в школу.

Глава IX

Пока Ричард и месье Лекуа в сопровождении Бенджамена плелись в школу по тропинке, протоптанной в снегу, судья с дочерью, пастор и майор направились туда же окружным путем, по улицам деревни.

Луна взошла, озаряя серебристым светом черные силуэты сосен, увенчавших вершины гор. Небо было светло и ясно. Звезды мерцали, как огоньки далеких костров; волны лунного света отражались от белой поверхности озера и снеговых полей.

Елизавета читала надписи, имевшиеся почти над каждой дверью, пока сани, слегка поскрипывая полозьями, скользили по снегу. Незнакомые имена, новые постройки встречались ей на каждом шагу. Да и старые дома изменились. У одних появились пристройки, другие были выкрашены, третьи перестроены заново, до неузнаваемости.

Все фигуры, двигавшиеся по улице, закутанные в пальто, шубы, шарфы, с поднятыми воротниками, в башлыках, казались похожими одна на другую; они скользили вдоль домов, по тропинке, протоптанной в снегу, полускрытые высоким сугробом. Только когда они свернули с главной улицы на другую, идущую непосредственно к месту собрания, она узнала находившуюся перед ней постройку.

Этот дом стоял в одном из главных пунктов поселка, и по протоптанному снегу перед его дверями так же, как по вывеске, которая раскачивалась с жалобным стоном, легко было догадаться, что это одна из самых популярных местных гостиниц. Постройка была в один этаж, но слуховые окна под крышей, окраска, ставни на окнах и веселый огонь, светившийся в открытую дверь, придавали ей уютный вид. Вывеска изображала всадника, вооруженного саблей и пистолетами, в медвежьей шапке, на коне, поднявшемся на дыбы. Все эти подробности можно было рассмотреть при свете луны, так же, как и надпись, сделанную черными буквами, довольно неразборчивую, но давно знакомую Елизавете, которая без труда прочла слова: «Храбрый Драгун».

В ту минуту, когда сани подъезжали к гостинице, из дверей ее вышли мужчина и женщина. Первый шел мерной, солдатской походкой, заметно прихрамывая. Женщина двигалась с таким решительным видом, как будто расчищала себе путь, не обращая внимания на все, встречающееся по дороге. Лунный свет падал на ее полное, широкое и красное лицо с топорными мужскими чертами, которые должен был смягчать плотный чепец. Маленькая черная шелковая шляпка с претензией на модный покрой сидела у нее на затылке, не закрывая лица. Женщина приближалась мужскими шагами к саням, и судья приказал негру, сидевшему на козлах, сдерживать лошадей.

– Добро пожаловать, судья, – крикнула женщина с сильным ирландским акцентом, – радуюсь вашему приезду! А вот и мисс Лиза, и какая же красавица выросла!.. Стоял бы здесь полк – то-то таяли молодые люди! Ох, согрешила, грешил: говорить о таких вещах, когда колокол зовет к молитве! Доброго вечера, майор! Готовить вам пунш с джином сегодня, или вы проведете вечер в большом доме?

– Я рада вас видеть, миссис Холлистер, – отвечала Елизавета. – Я все время высматривала знакомые лица, но до сих пор никого еще не могла узнать. Ваш дом остался, каким был, а другие все так изменились, что я узнаю только места. Я вижу, что вы сохраняете и вывеску, которую писал кузен Ричард, и даже надпись, из-за которой, помнится, ссорились.

– Это «Храбрый-то Драгун»?⁷ Какое же имя можно было ему дать, когда все его так называли, что может засвидетельствовать и мой муж, капитан. С ним приятно было иметь дело, а в трудную минуту он, бывало, всегда первый поможет. Ох, только конец он нашел внезапный.

⁷ Речь идет о капитане Лоутоне, одном из героев романа Купера: «Шпион».

Но, будем надеяться, что дела оправдают его. Наверное, и мистер Грант то же скажет. Да, да; сквайр взялся нарисовать вывеску, я и подумала: «Если бы видеть лицо того, кто делил с нами горе и радость». Глаза не такие большие и огненные, как были у него; зато усы и шапка похожи, как две капли воды. Ну, ну, я не стану вас задерживать на морозе, а забегу к вам завтра утром, после службы, и спрошу, как вы поживаете. Так как же, майор, готовить грог?

На этот вопрос немец ответил утвердительным кивком головы, и когда судья обменялся несколькими словами с мужем краснолицей хозяйки, сани тронулись дальше. Вскоре они подъехали к школе.

Мистер Джонс и двое его спутников, путь которых был гораздо короче, опередили сани на несколько минут. Вместо того, чтобы войти в комнату и насладиться удивлением поселенцев, Ричард засунул руки в карманы пальто и принялся расхаживать перед подъездом, как человек, привыкший ко всяким церемониям.

Поселенцы проходили один за другим с невозмутимой важностью, но несколько более быстрыми шагами, вероятно, подстрекаемые любопытством. Приезжие из окрестностей оставались на минуту прикрыть лошадей белой или голубой попоной и лишь потом входили в подъезд. Ричард подходил почти к каждому, осведомляясь о здоровье и семейных делах. Он называл по именам даже детей, видимо, близко знакомый со всеми. Ответы приезжих показывали, что он пользовался большой популярностью.

Наконец, один из пешеходов, явившийся из деревни, также остановился и засмотрелся на новое кирпичное здание, бросавшее длинную тень на снежные поляны, среди которых оно возвышалось, озаренное полной луной в эффектной игре света и теней. Перед школой находился пустырь, намеченный под общественный сад. На стороне, противоположной той, где стоял мистер Джонс, была воздвигнута новая и еще неоконченная церковь. Это здание строилось летом на деньги, будто собранные по подписке, в действительности же, главным образом, на средства судьбы.

Но еще не было решено, какому вероисповеданию будет принадлежать церковь, и это порождало разные споры и ссоры.

Постройка церкви была единодушно возложена на мистера Джонса и Гирана Дулитля.

Гиран Дулитль, или сквайр Дулитль, остановился сейчас полюбоваться зданием. Это был долговязый, тощий субъект, с резкими чертами лица, выражавшими смесь напускного смирения и лукавства. Ричард подошел к нему в сопровождении месье Лекуа и дворецкого.

– Добрый вечер, сквайр! – сказал Ричард, кивнув головой, но не вынимая рук из карманов.

– Добрый вечер, сквайр! – откликнулся Гиран, поворачивая туловище, чтобы повернуть голову.

– Холодная ночь, мистер Дулитль, холодная ночь, сэр!

– Холодно; мороз-таки пощипывает.

– Любуется на нашу церковь, а? Недурно выглядит при лунном свете, как купол-то блестит?

– Дом собраний, действительно, недурен, – отвечал Гиран. – Надеюсь, что месье Лекуа и мистер Пенгвильян согласятся с этим.

– Конечно! – воскликнул любезный француз. – Она очень красива.

– Я был уверен, что месье это скажет. Последняя партия патоки, которую мы получили от вас, очень хороша. Найдется у вас еще?

– О, да, сэр, – отвечал месье Лекуа с легкой гримасой, передернув плечами, – найдется. Я в восторге, что она вам понравилась. Надеюсь, мадам Дулитль в добром здоровье?

– Ничего, скрипит кое-как, – сказал Гиран. – А что, сквайр, вы закончили план внутреннего устройства дома собраний?

– Нет, нет, нет, – возразил Ричард быстро, но с многозначительными паузами между отдельными отрицаниями, – об этом надо подумать. Придется как-нибудь заполнить комнату, и я, признаюсь, опасаясь, что нам трудно будет достигнуть наилучшего эффекта. Вокруг кафедры останется большое пустое место, так как я не хочу помещать ее у стены, точно будку часового.

– Принято помещать под кафедрой скамьи для старшин, – заметил Гирам и, как будто опасаясь зайти слишком далеко, прибавил: – впрочем, в разных странах существуют разные обычаи...

– Это верно! – воскликнул Бенджамен. – Когда плывешь вдоль берегов Испании и Португалии, то на каждом мысу видишь монастырь, у которого колоколен и башен больше, чем флюгарок и вымпелов на трехмачтовой шхуне. Если надо построить хорошую церковь, то ищите образцов в старой Англии. Месье Лекуа живал за границей, и хоть это совсем не то, что в Англии, но и во Франции немало церквей, значит, он имеет понятие о том, что такое хорошая церковь. Вот я и спрошу у него: разве эта церковь не хороша?

– Она вполне соответствует обстоятельствам, – сказал француз, – она выстроена со знанием дела. Только в католических странах умеют строить... как это будет по-вашему?... большую кафедраль... большую церковь...

Так, переговариваясь и споря между собой, они вошли в школу.

Глава X

Под соединенными усилиями Ричарда и Бенджамена «длинная зала» преобразилась. Некрашенные, грубые, самой примитивной работы скамьи, установленные рядами, предназначались для посетителей, а у стены, посреди комнаты, было отгорожено место для проповедника. У переднего края загородки находилось нечто вроде пюпитра, а небольшой стол черного дерева, принесенный из усадьбы и накрытый белоснежной скатертью, стоял немного в стороне, заменяя алтарь. Сосновые и можжевельниковые ветки торчали из всех щелей и висели гирляндами и фестонами по стенам, окрашенным в бурую краску. Так как зала освещалась только десятью или пятнадцатью слабыми свечками, а окна были без ставней, то она была бы чересчур угрюма и мрачна для рождественского торжества, если бы огонь, трещавший в огромных каминах по обеим концам залы, не придавал обстановке более веселый вид, озаряя по временам красноватым светом ряды веток и лиц.

Мужчины и женщины сидели отдельно на разных концах залы, а несколько скамеек перед кафедрой предназначались для наиболее «важных» лиц поселка и его окрестностей. Одну скамью занимал судья Темпль со своими домашними, в том числе и дочерью.

Ричард, исполнявший обязанности причетника, поместился на стуле за столом, а Бенджамен, подкинув дров в камин, встал подле него, как легкий корвет, готовый отправиться всюду, куда пошлет его флагман.

У большинства присутствующих здесь женщин более или менее дорогие принадлежности туалета – реликвии давно минувших дней – резко выделялись на простой одежде лесных обитательниц. Рядом с женщиной в грубых черных шерстяных чулках и полинялом шелковом платье, пережившем по крайней мере три поколения, красовалась другая в яркой шали, отливавшей всеми цветами радуги на неуклюже сидевшем платье из домотканой материи. Словом, все мужчины и женщины принарядились, как могли, хотя большинство костюмов было грубой домашней работы. Человек, служивший когда-то в артиллерии, явился в артиллерийском мундире, собственно потому, что это был его лучший костюм. Некоторые молодые люди надели синие штаны с красными лампасами, составлявшие часть мундира «Темпльтонской легкой пехоты», чтобы показать, что у них есть покупная одежда. На одном из них был нарядный охотничий камзол, белизна и тонкость которого были великолепны, но эта одежда заставила бы его стучать зубами от холода, если бы не надетая под ней толстая куртка из домашнего сукна.

У всех присутствующих была загорелая кожа, говорившая о работе на открытом воздухе, все лица хранили наружно степенное выражение, сквозь которое проглядывали лукавство и любопытство. Там и тут среди собрания попадались костюмы и лица, резко отличавшиеся от большинства. Штиблеты и хорошо сидевшее платье принадлежали английскому эмигранту с румяной, тронутой оспой физиономией, добравшемуся до этого отдаленного уголка земного шара. По бескровному, скуластому лицу с резкими чертами можно было узнать уроженца Шотландии. Небольшого роста брюнет с почти оливковым цветом лица, то и дело встававший, чтоб уступить дорогу местным красавицам, был сыном зеленого Эрина, недавно променявший короб разносчика на постоянную торговлю в Темпльтоне. Словом, половина северных европейских наций имела своих представителей в этом собрании, хотя все они быстро превратились в американцев по одежде и внешности, кроме англичанина.

Елизавета вскоре заметила, что внимание собрания делится между нею и мистером Грантом. Смущенная этим, она не решалась рассматривать присутствующих и лишь изредка бросала на них взгляды украдкой. Но когда топот приходящих затих и даже откашливания и другие приготовления собрания к напряженному вниманию прекратились, она расхрабрилась и обвела взглядом залу. Мало-помалу всякий шум прекратился, и водворилась глубокая тишина.

Слышался только треск дров в каминах, распространявших сильную теплоту; все лица и все глаза обратились к пастору.

В эту минуту послышался сильный топот внизу, как будто вновь прибывшие прихожане отбивали снег от ног. Вскоре могикан в сопровождении Кожаного Чулка и молодого охотника вошел в залу.

Делавар важно прошел между рядами скамей и, заметив свободное место подле судьи, занял его. Завернувшись в одеяло, отчасти скрывавшее его лицо, он оставался в течение всей службы неподвижным. Натти прошел мимо места, так свободно занятого его краснокожим товарищем, и уселся на обрубке дерева возле камина, где и остался, поставив ружье между колен и погрузившись в размышления, по-видимому, совсем невеселого свойства. Молодой человек уселся среди прихожан, и тишина водворилась снова.

Тогда Грант встал. Не было надобности в примере Джонса, чтобы заставить все собрание также встать: торжественная манера пастора вызвала подражание. После непродолжительной паузы Грант начал читать выспреннее выступление, но пока он медленно произносил его, какая-то новая мысль блеснула в уме Ричарда и заставила его тихонько встать и на цыпочках выйти из залы. Когда пастор опустил на колени, собрание последовало его примеру в том смысле, что снова уселось на скамьи, и затем уже никакие последующие действия Гранта не могли заставить присутствующих встать. Иные поднимались время от времени, но большинство продолжало сидеть, внимательно наблюдая за интересным зрелищем, в котором они должны были принимать участие. Покинутый своим причетником, пастор продолжал читать молитвы, но никто ему не вторил. Короткие торжественные паузы прерывали голос пастора, но никто не откликнулся на его красноречивые воззвания.

Елизавета также молчала, и это неловкое положение начинало уже угнетать ее, привыкшую к обрядам в столичных церквях, когда нежный низкий женский голос ответил пастору. Пораженная тем, что в собрании нашлась женщина, у которой хватило духу преодолеть естественную робость, Елизавета взглянула по тому направлению, откуда раздался голос. Она заметила молодую женщину, которая стояла неподалеку от нее. Незнакомка, – по крайней мере такой она была для Елизаветы, – обладала тонкой и хрупкой фигурой. На ней было опрятное и приличное платье; а ее лицо, хотя бледное, возбуждало глубокий интерес своим кротким и меланхолическим выражением. Когда она ответила вторично, к ней присоединился звучный мужской голос с противоположного конца залы. Елизавета узнала голос молодого охотника и, преодолев свою застенчивость, присоединилась к ним.

Все это время Бенджамен суетливо перелистывал молитвенник, но никак не мог найти нужного места. Наконец Ричард вернулся. Он нес в руках небольшой ящик, который поставил перед пастором, очевидно, в качестве подножия, так как он решил, что священнику неприлично стоять на одном уровне с паствою. Затем он вернулся на свое место, как раз в то время, когда служба заканчивалась.

Глава XI

Пока собрание расходилось, пастор подошел к тому месту, где сидели Елизавета и ее отец, и представил им молодую девушку, на которую обратила внимание Елизавета и которая оказалась его дочерью. Обе девушки с первого взгляда почувствовали невольное влечение друг к другу.

Судья, который тоже не знал, что у пастора есть дочь, был очень рад, что его дочь нашла подругу, подходившую к ней по годам и способную скрасить для нее первое тяжелое время разлуки с нью-йоркскими друзьями и жизни в захолустье. Елизавета, на которую наружность девушки произвела самое лучшее впечатление, быстро рассеяла ее робость своим приветливым обращением. Они сразу сошлись и в течение десяти минут, пока школа пустела, не только успели столковаться насчет завтрашнего дня, но, вероятно, распределили бы занятия на всю зиму, если бы пастор не перебил их, сказав:

– Тише, тише, дорогая мисс Темпль, не приучайте мою дочь к рассеянной жизни. Вы забываете, что она у меня хозяйка, и что мои домашние дела придут в беспорядок, если Луиза примет хоть половину ваших любезных предложений.

– А зачем вам, собственно, хозяйство, сэр? – возразила Елизавета. – Вас только двое. Дом моего отца может поместить вас обоих, и, разумеется, вы будете в нем желанными гостями. Общество такое благо в этой глуши, от которого не следует отказываться ради пустых формальностей, и мой отец часто говорит, что гостеприимство вовсе не добродетель в новой стране, так как одолжение оказывает здесь гость, соглашающийся разделить ваше уединение.

– Судья Темпль на деле подтверждает свое мнение, но не следует злоупотреблять его радушием. Я не сомневаюсь, что вы часто будете видеться с нами, в особенности с моей дочерью, во время моих отлучек в отдаленные местности графства.

Темпль подал в это время руку своей дочери и отправился за своими друзьями. Ричард последовал за ним, прицепившись к месье Лекуа, которому прочел целую лекцию об искусстве пения, заключив ее похвалой арии «Бискайский залив», превосходно исполняемой его другом Бенджаменом.

Во время этого разговора могикан оставался на месте, закрыв голову одеялом, по-видимому, такой же равнодушный к окружающему, как само собрание к присутствию престарелого вождя. Натти тоже сидел на обрубке дерева, опустив голову на руку и поддерживая другой рукой ружье. Его лицо выражало беспокойство, и взгляды, которые он бросал вокруг себя, свидетельствовали о какой-то тайной тревоге. Он не вставал с места из уважения к индейскому вождю, которого дожидался и к которому всегда относился с величайшим почтением, хотя и с некоторой неуклюжестью, свойственной охотнику. Молодой спутник этих двух обитателей леса тоже стоял около угасающего камина, по-видимому, поджидая своих товарищей. Кроме них, в зале оставались теперь только пастор и его дочь.

Когда обитатели «замка» ушли, Джон встал, откинул одеяло с головы, отбросил назад густые черные волосы, свешивавшиеся на его лицо, и, подойдя к Гранту, протянул ему руку и сказал торжественно:

– Отец, благодарю вас.

Он помолчал, а затем, выпрямившись с величием индейского вождя, прибавил:

– Если Чингачгук присоединится когда-нибудь к своему народу в стране Восходящего солнца, он передаст своему племени хорошие слова, которые слышал. Кто может сказать, что могикан когда-нибудь лгал?

– Пусть могикан надеется, – сказал мистер Грант, – и он достигнет своего. Но вам, молодой человек, я обязан не только вместе с другими за услугу, оказанную сегодня на горе, но обязан и лично за вашу уместную поддержку во время службы в самую затруднительную минуту.

Мне было бы очень приятно видеть вас в моем доме. Вы должны отправиться ко мне теперь же, – право, должны, – моя дочь еще не поблагодарила вас за спасение моей жизни. Я и слышать не хочу об отказе. Этот почтенный индеец и ваш друг пойдут с нами.

– Нет, нет, – перебил Кожаный Чулок. – Мне нужно в вигвам, там у меня есть дело, которого нельзя забывать ради ваших церковных забав и развлечений. Пусть молодец идет с вами. Он привык водить компанию со священниками и толковать об этих вещах. Также и старый Джон, который крещен во время войны. Но я простой, неученый человек; я служил в свое время моей стране, но с тех пор, как себя помню, ни разу не заглядывал в книгу. Да и не видел в этом надобности; ведь это не мешало мне убивать по двести бобров в зиму, не считая остальной дичи. Если мне не верите, спросите у Чингачгука, так как я жил тогда в стране делаваров, и старик может подтвердить каждое мое слово.

– Я не сомневаюсь, друг мой, что вы были в свое время храбрым солдатом и искусным охотником, – сказал священник.

– Конечно, я не так глуп, чтобы ожидать, что буду жить вечно, – сказал Натти со своим беззвучным смехом, – такая мысль не может прийти в голову тому, кто, как я, жил в лесах с дикарями и проводит летние месяцы на берегах озер. Правда, здоровье у меня крепкое, могу сказать, так как я сотни раз пил воду Онондаги, подстерегая оленей на ее берегах, когда там было гнездо лихорадок. Но и тогда я не рассчитывал жить вечно; хотя есть люди, которые видели дремучие леса там, где вы нынче проищете неделю, прежде чем найдете хоть один пень; а ведь пень стоит без малого сто лет после того, как дерево умерло.

– Все это время проходит, мой добрый друг, – возразил мистер Грант, начинавший интересовываться «спасением души» своего нового знакомого. – Вам следует посещать церковь; я рад, что вы явились сегодня. Ведь вы сочли бы безрассудным отправиться на охоту, оставив дома шомпол и кремь?

– Нужно быть очень неопытным, – перебил Натти с новым припадком смеха, – чтобы не суметь вырезать шомпол из молодого ясеня и не найти кремня в горном ручье. Нет, нет, я никогда не думал жить вечно, но я вижу, что времена изменились; нынче в этих горах совсем не то, что было тридцать и даже десять лет тому назад. Но сила делает право, а закон сильнее старика, все равно ученого или такого, как я, которому легче теперь подстерегать дичь в засаде, чем гоняться за ней с собаками, как я делал это раньше. Хо, хо! Но я знаю по опыту, что когда в новом поселке является проповедник, то это значит, что дичь стала редка, порох вздрожал. А это уже не то, что шомпол или кремь.

Заметив, что своим неудачным сравнением он только дал оружие в руки противнику, пастор благоразумно прекратил спор. Он снова обратился к молодому охотнику, и тот согласился вместе с индейцем сопровождать пастора и его дочь в жилище, отведенное для них попечениями мистера Джонса. Кожаный Чулок остался при своем решении вернуться домой, и у ворот здания они расстались.

Пройдя немного по улице, Грант, шедший впереди, свернул в поле и направился по узкой тропинке, где двое не могли идти рядом. Луна поднялась так высоко, что лучи ее падали на долину почти вертикально, и легкие контуры идущих, скользившие по сугробам серебристого снега, казались воздушными фигурами. Ночь была тихая, но мороз усиливался. Девушке не трудно было идти по утоптанной тропинке, но холод был так силен, что снег скрипел даже под ее легкими шагами.

Пастор, в черной одежде, шел впереди группы и по временам обращал свое короткое, благодушное лицо к спутникам. За ним следовал могикан, закутавшись в одеяло, с обнаженной головой, которую защищали от холода только густые черные волосы. Когда его неподвижное бронзовое лицо освещалось с боку луною, оно казалось проникнутым покорностью, но когда он поворачивал голову, его черные глаза говорили о неугасимых страстях и вольных, как ветер, мыслях.

Грациозная фигурка мисс Грант, слишком легко одетой для такого сурового времени года, представляла резкий контраст со странным нарядом и дикой наружностью вождя делаваров. Молодой охотник не раз задумывался о различии людей, когда лицо могикана и нежное личико мисс Грант случайно повертывались, чтобы взглянуть на полный диск луны.

Пастор первый нарушил молчание:

– Вы, должно быть, – сказал он молодому охотнику, – получили прекрасное воспитание; это видно по вашей речи и манерам. Какого штата вы уроженец, мистер Эдвардс?.. Ведь так, кажется, назвал вас судья Темпл?

– Здешнего.

– Здешнего! Я бы не подумал этого по вашему разговору, так как не заметил в нем особенностей местного наречия. В таком случае, вы, вероятно, жили в каком-нибудь городе?

Молодой человек улыбнулся, но какие-то причины, вероятно, связанные с его настоящим положением, заставили его промолчать.

– Я очень рад, что познакомился с вами, мой юный друг! Кстати, я заметил сегодня вечером в вашем отношении к судье Темплу раздражение, граничащее с одной из самых дурных человеческих страстей... Нам нужно перейти ручей, надеюсь, что лед сдержит нас. Смотри, не поскользнься, дитя мое!

Говоря это, он спустился на лед небольшого потока, впадавшего в озеро, и, обернувшись, заметил, что юноша подошел к его дочери и вежливо предложил свою помощь. Когда все благополучно перешли на другой берег, он продолжал:

– Нехорошо, дорогой мой, очень плохо питать такие чувства при каких бы то ни было обстоятельствах, а тем более в данном случае, когда зло было причинено не умышленно.

– Есть правда в речи моего отца, – сказал могикан, внезапно останавливаясь и заставляя этим остановиться следовавших за ним, – это речь Микуона. Белый человек должен поступать так, как велели ему отцы, но в жилах «Молодого Орла» течет кровь вождя делаваров; она красная, и пятно, которое она составляет, может быть смыто только кровью минга.

Грант, удивленный вмешательством индейца, остановился и взглянул на говорившего. Глаза его встретились с суровым и решительным взором вождя, и на его лице отразился ужас.

Индеец внимательно посмотрел на пастора. Дикий огонь его глаз постепенно потух, черты лица приняли обычное выражение. Он слегка покачал головой и, жестом дав понять Гранту, что он может продолжать путь, молча последовал за ним. Волнение заставило пастора ускорить шаги, и индеец без всякого видимого усилия шел, не отставая; но молодой охотник заметил, что девушка слегка отстает от них.

– Вы устали, мисс Грант, – сказал он, – вам трудно поспевать за мужчинами. Сойдите на снег – он хорошо держит – и возьмите мою руку. Я вижу огонек – это, вероятно, дом вашего отца, но до него еще довольно далеко.

– Я не устала идти, – отвечал тихий, дрожащий голос, – но меня испугал этот индеец. У него были такие страшные глаза, когда он говорил с моим отцом. Но я и забыла, сэр, что он ваш друг и, судя по его словам, быть может, даже родственник. Однако вы не внушаете мне страха.

Молодой человек ступил на подмерзший снег, который свободно выдерживал его тяжесть, и предложил своей спутнице последовать за ним. Она бросила на него мимолетный взгляд и пошла быстрее, опираясь на его руку.

– Вы не знаете этого племени, мисс Грант, – сказал он, – иначе вам было бы известно, что месть считается добродетельностью индейца. Они с детства приучаются думать, что ни одна обида не должна остаться неотомщенной, и только требования гостеприимства могут удержать проявление этой мстительности.

– Конечно, сэр, – сказала мисс Грант, невольно освобождая свою руку, – вы воспитывались не в таких жестоких чувствах?

– Если бы ваш почтенный отец обратился ко мне с таким вопросом, я счел бы достаточным ответить, что нет! – отвечал он. – Но вам я прибавлю, что жизнь научила меня прощению и забвению обид.

Говоря это, он остановился и снова протянул ей руку. Когда молодой охотник умолк, она спокойно оперлась на его руку и они продолжали путь.

Пастор и могиқан остановились на крыльце, поджидая своих молодых спутников. Первый старался искоренить своими наставлениями «дикие» наклонности, проявившиеся у индейца во время их разговора; а последний слушал его с безмолвным, но почтительным вниманием. Когда молодой охотник и девушка присоединились к ним, все вошли в дом.

Дом пастора стоял на некотором расстоянии от деревни, посреди поля, окруженный пнями, которые выдавались над снегом, прикрытые белыми шапками в полметра толщиной. Кругом не было видно ни деревца, ни кустика; внешность дома носила характер небрежной, на скорую руку, работы, свойственной постройкам новой страны. Но эта негостеприимная внешность возмещалась чрезвычайной опрятностью и теплотой внутри.

Они вошли в комнату, служившую гостиной, хотя огромный очаг с кухонными принадлежностями показывал, что она служила иногда и в качестве кухни. Яркий огонь, пылавший в очаге, делал излишней свечу, которую зажгла Луиза, так как скучную обстановку комнаты можно было легко осмотреть и без этого.

Посреди комнаты был разостлан ковер местного изготовления, составленный из лоскутов. Несколько богаче выглядели чайный стол и старинный книжный шкаф красного дерева; но стулья, обеденный стол и остальная мебель были самой простой и дешевой работы. По стенам висели вышитые пейзажи и рисунки, отличавшиеся тщательностью работы при сомнительном художественном достоинстве.

Пока пришедшие усаживались перед огнем, разговор на время прекратился. Но когда все уселись, а Луиза, скинув легкую шелковую выцветшую кофточку и соломенную шляпку, которая более подходила к ее скромному лицу, чем к суровому времени года, заняла место между отцом и молодым человеком, пастор возобновил разговор:

– Я надеюсь, мой юный друг, – сказал он, – что полученное вами воспитание искоренило мстительные чувства, которые вы могли унаследовать, так как я заключаю из слов Джона, что в ваших жилах есть примесь крови делаваров. Прошу вас, не объясняйте моих слов в дурную сторону. Я знаю, что цвет кожи и происхождение не составляет заслуги, и думаю, что тот, кто находится в родстве с древними обладателями этих холмов, имеет больше права на них, чем те, кто их захватил.

– Отец, – сказал старый вождь, обращаясь к пастору и сопровождая свои слова выразительными жестами, – для вас еще не прошло лето жизни; ваши члены молоды. Войдите на самый высокий холм и оглянитесь кругом. Все, что вы видите между восходом и закатом солнца, от великих вод до истоков «извилистой реки»⁸ в горах, принадлежит ему. Его кровь – кровь делаваров, и его право бесспорно. Но брат Микуона⁹ справедлив: он разделит страну на две части, как река делит равнину, и скажет Молодому Орлу, сыну делаваров: возьми ее, прими ее и будь вождем в земле твоих предков.

– Никогда! – воскликнул молодой охотник с энергией, которая отвлекла внимание пастора и его дочери от индейца. – Лесной волк не так жадно гоняется за добычей, как этот человек за золотом, хотя, подбираясь к богатству, он скользит, как змея!

– Полно, полно, сын мой, – перебил мистер Грант, – нужно сдерживать порывы. Случайная рана, которую причинил вам судья Темплъ, заставляет вас сильнее чувствовать обиды, нанесенные вашим предкам. Но вспомните, что первая была ненамеренной, а вторые явились

⁸ Соскевганна по-индейски значит «извилистая река».

⁹ Вильям Пени был квакер, поэтому старый Джон, намекая на Мармадюка, тоже квакера, называет его братом Микуона.

следствием политических переворотов, которые не раз уже сметали с лица земли целые нации. Ответственность за несправедливости, причиненные туземцам, падает не на судью Темпля, а на целый народ; рука же ваша скоро излечится.

– Моя рука! – повторил молодой человек, топая ногой об пол в крайнем возбуждении. – Неужели вы думаете, сэр, что я считаю этого человека убийцей? О, нет! Он слишком коварен, слишком труслив для такого преступления. Но пусть он и его дочь наслаждаются своим богатством – день возмездия наступит. Нет, нет, – продолжал он, успокаиваясь, – пусть могокан подозревает его в покушении на убийство, я же и думать забыл об этом пустяке.

Он снова уселся и закрыл лицо руками, облокотившись на колени.

– Он наследовал бурные страсти туземцев, дитя мое, – вполголоса сказал Грант своей дочери, которая в испуге схватила его руку, – европейская кровь смешана в нем с индейской, как ты сама слышала. Ни воспитание, ни влияния не могли вполне искоренить зло. Но заботы и время еще много сделают для него.

Хоть пастор говорил, понизив голос, но молодой человек расслышал его слова и, подняв голову, сказал более спокойным тоном, с какой-то странной улыбкой.

– Не тревожьтесь, мисс Грант, не смущайтесь моими дикими манерами и костюмом. Я поддался возбуждению, которое мне следовало бы подавить. Я должен вместе с вашим отцом приписать это индейской крови, которая течет в моих жилах; но не думайте, что я стыжусь своего происхождения; напротив, это – единственное, чем я могу гордиться. Да, я горжусь своим происхождением от вождя делаваров, который был воином, делавшим честь человечеству. Старый могокан был его другом и отдает должное его доблести.

Пастор снова заговорил и, убедившись, что молодой человек успокоился, а старый вождь слушает внимательно, пустился в рассуждения о необходимости прощать обиды. Разговор продолжался еще более часа, но, наконец, посетители встали и, обменявшись с хозяевами пожеланиями покойной ночи, отправились по домам.

У крыльца они расстались. Могокан пошел прямо в деревню, а молодой человек направился к озеру. Пастор постоял у дверей, следя глазами за фигурой престарелого вождя, скользившей с удивительной для его лет быстротой по тропинке среди глубокого снега. Его черные прямые волосы еще виднелись на белом одеяле, сливавшемся при серебристом свете луны с окружающим снегом.

Вернувшись в дом, мистер Грант нашел Луизу у окна, обращенного к озеру. Она следила за какой-то фигурой, двигавшейся по направлению к восточным горам. Пастор узнал молодого охотника, который шел большими шагами по подмерзшему снегу, покрывавшему озеро, направляясь к хижине, в которой, как было известно мистеру Гранту, жил Кожаный Чулок. Хижина стояла на краю озера под скалой, заросшей соснами. Минуту спустя фигура молодого охотника вступила в тень от деревьев и скрылась из вида.

Глава XII

На одном из углов перекрестка двух главных улиц Темпльтона стояла гостиница под названием «Храбрый драгун». Расположение в центре поселка и радушие хозяина и хозяйки доставили трактиру преимущество над всеми его соперниками. Была, например, сделана попытка составить конкуренцию «Храброму драгуну»: на противоположном, наискосок углу возвышался новый дом, обитатели которого рассчитывали одержать победу над Холлистером. У дверей этого дома возвышались два столба, соединенные перекладиной, на которой висела огромная вывеска, украшенная по краям резьбой. На ней были изображены какие-то таинственные знаки, а над ними красовалась надпись большими буквами:

ТЕМПЛЬТОНСКАЯ КОФЕЙНЯ И ГОСТИНИЦА ДЛЯ
ПРИЕЗЖАЮЩИХ

А под ней:

АБАКУК ФУТ И ДЖОШУЭ НАПП.

Таков был грозный соперник «Храброго драгуна», казавшийся опаснее потому, что те же звучные имена можно было видеть над дверями недавно основанного товарного склада, на вывеске шляпного магазина и над воротами кожевенного завода. Но потому ли, что, как говорит пословица, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, или потому что «Храбрый драгун» приобрел уже прочную репутацию, которую трудно было поколебать, не только Мармадюк Темпл и его друзья, но и большинство обитателей деревни продолжали посещать гостиницу капитана – как его называли за службу в местной милиции – Холлистера.

Хромой ветеран и его супруга не успели еще осмотреться, вернувшись из школы, как топот ног на крыльце возвестил их о появлении клиентов, без сомнения, желавших обменяться мнениями по поводу церемонии, на которой они только что присутствовали.

Буфет или «бар» «Храброго драгуна» представлял собой большую комнату с лавками вдоль стен, за исключением одной, которую занимали два огромные камина. Между ними оставались промежутки только для входной двери и для небольшого отделения в углу, отгороженного решеткой, за которой виднелось множество бутылок и склянок. Миссис Холлистер важно восседала у входа в это святилище, а ее супруг поправлял в каминах дрова обожженным колом.

– Ну, любезный сержант, – сказала хозяйка, найдя, что ветеран устроил дрова достаточно хорошо, – будет тебе возиться, и так хорошо горит. Поставь-ка на стол стаканы, а кружку с имбирным сидром для доктора – перед огнем. Сегодня у нас будут и судья, и майор, и мистер Джонс, не считая Бенджамена Помпы и законников. Смотри же, чтобы все было в порядке, да скажи этой лентяйке Джюди, что если она не будет держать кухню в чистоте, то я ее в три шеи вытурю, и пусть себе убирается к тем джентльменам в «Кофейню»: там ей немного работы будет. Ох, сержант, а ведь куда лучше такая служба, при которой можно сидеть спокойно, а не так, как у этого пастора Гранта: то вскакивать, то приседать!

– Всякая служба хороша, миссис Холлистер, – отвечал ее супруг, исполняя приказания, – все равно слушать ее, сидя или стоя, или как делал проповедник методистов мистер Уайтфильд, стоя на коленях с двумя помощниками по бокам, поднимавшими его руки вверх.

Но люди, обивавшие снег на крыльчке у дверей, уже входили в комнату.

В течение десяти или пятнадцати минут разношерстная публика, намеревавшаяся поучать или поучаться перед камином «Храброго драгуна», собиралась в бар, и вскоре скамьи его были сплошь заняты посетителями. В самом удобном уголке комнаты, на скамье с высокой деревянной спинкой, поместились доктор Тодд и какой-то молодой человек в костюме из покупной материи, неряшливом и потертом, но с претензией на моду. Он то и дело доставал

из кармана большие французские серебряные часы на волосяной цепочке, нюхал табак и всем своим видом показывал, что считает себя выше окружающих.

Простые глиняные горшки с сидром или пивом были расставлены перед гостями, разбившимися на группы. Отдельные стаканы для каждого были не в ходу. Кружка переходила из рук в руки, пока не возвращалась к первому.

Чокнулись, выпили, обменялись приветствиями, причем люди, с претензией на остроумие, выражали своему собутыльнику пожелание «превзойти своих родителей» или «жить, пока все друзья не пожелают его смерти»; а более скромные довольствовались лаконическим «за ваше здоровье». Ветеран-хозяин каждый раз должен был следовать обычаю и пробовать напиток, который он подавал, по приглашению: «хозяину начинать», в ответ на которое он делал глоток из кружки, промолвив предварительно: «честной компании» и предоставляя воображению гостей дополнять это пожелание.

Тем временем хозяйка составляла различные смеси, требуемые посетителями, обмениваясь с ними пожеланиями и вопросами о здоровье семьи. Наконец первая жажда была утолена, и начался разговор более общего характера о событиях дня. Говорили главным образом доктор и его спутник, один из деревенских адвокатов, так как считалось, что они наиболее способны с достоинством поддерживать беседу в обществе. Время от времени вставлял словечко и Дулитль, который, по общему мнению, уступал им разве в образовании, но не в талантах. Общее молчание водворилось, когда адвокат спросил:

– Я слышал, доктор Тодд, что вы исполнили сегодня вечером серьезную операцию: вырезали заряд картечи из плеча сына Кожаного Чулка?

– Да, сэр, – отвечал доктор, подымая кверху свою маленькую головку. – Я это сделал в доме судьи. Впрочем, это пустяк; операция была бы потруднее, если бы картечь попала в более важные органы. Плечо – не существенный орган, и я думаю, что молодой человек скоро поправится. Но я не знал, что он сын Кожаного Чулка: в первый раз слышу, что Натти был женат.

– Этого я не говорил, – возразил его собеседник, подмигивая и обводя комнату лукавым взглядом. – Вам известно, полагаю, что означается в законе термином «ничей сын».

– Говорите попонятнее, сударь! – крикнула хозяйка.

– О, я говорю весьма понятно, миссис Холлистер, – отвечал адвокат, снова подмигивая и бросая лукавый взгляд, – и доктор Тодд понимает меня. Не правда ли, доктор?

Адвокат встал и, повернувшись спиной к камину, лицом к кампании, продолжал:

– Сын ли он Натти или ничей сын, но я надеюсь, что молодой человек не оставит этого дела. У нас есть законы. Я смею думать, что закон не разрешает человеку, хотя бы он владел или считался владельцем сотни тысяч акров земли, стрелять в другого человека. Что вы думаете об этом, доктор Тодд?

– О, сэр! Я думаю, как и сказал уже, что джентльмен скоро будет здоров. Существенные органы не повреждены, и так как картечь извлечена немедленно и плечо забинтовано, смею сказать, по всем правилам, то нечего опасаться каких-либо осложнений.

– Послушайте, сквайр Дулитль, – продолжал адвокат, повышая голос. – Вы должностное лицо и знаете, что такое закон и что такое беззаконие. Спрашиваю вас, сэр, неужели выстрел в человека – пустяк, который так легко уладить? Предположим, сэр, что у молодого человека есть жена и дети; предположим далее, что он живет физическим трудом, сэр; предположим также, что семья существует его заработком; предположим, наконец, что пуля не просто прошла сквозь мясо, а раздробила плечевую кость и сделала его калеккой навсегда, – спрашиваю вас всех, джентльмены, разве в таком случае присяжные не приговорят виновника к возмещению убытков?

Так как заключение этого ряда предположений было обращено ко всей компании, то Гирам сначала не считал нужным ответить, но видя, что глаза всех слушателей обращены на него, он вспомнил о своем судейском звании и сказал с соответствующей важностью и достоинством:

– Конечно, если один человек выстрелил в другого и сделал это умышленно, и закон обратил на это внимание, а суд признал того человека виновным, то выйдет уголовное дело.

– Именно, сэр, – подтвердил адвокат. – Закон, джентльмены, не знает лицемерия в свободной стране. Один из великих заветов, переданных нам предками, тот, что все люди равны в глазах закона, как они равны по природе. Пусть один из них имеет собственность, – неизвестно, каким образом приобретенную, – но это не дает ему права нарушать закон, как и беднейшему из граждан. Такое мое мнение, джентльмены; и я думаю, что если молодой человек поведет дело толком, то у него будет чем заплатить за лечение. Вы какого мнения, доктор?

– Видите ли, сэр, – возразил доктор, которому, по-видимому, не совсем нравился оборот, принятый разговором, – я имею обещание судьи Темпля, сделанное при свидетелях... Не то, чтобы я считал его слова менее надежными, чем расписка, но... оно было дано при свидетелях. Тут были... позвольте... месье Лекуа, и сквайр Джонсон, и майор Гартман, и мисс Петтибон, и двое-трое негров: все они слышали, как он сказал, что его карман щедро вознаградит меня за операцию.

– Это обещание было сделано до или после операции? – спросил законник.

– Не все ли равно! – отвечал доктор. – Впрочем, помню, что он сказал это раньше, чем я взялся за дело.

– Но ведь он, кажется, сказал, что его карман вознаградит вас, доктор, – вмешался Гирам. – Не знаю, что тут подделает с ним закон. Он может отдать вам карман с шестипенсовой монетой внутри.

– Это не будет вознаграждением в глазах закона, – перебил адвокат. – Карман не считается лицом, а только частью личности человека. Я того мнения, что из этого обещания вытекает действие, и я готов взяться за это дело бесплатно, если он не заплатит.

На это предложение доктор ничего не ответил, но обвел глазами комнату, словно пересчитывая свидетелей, которые, если понадобится, смогут подтвердить и это обещание. Такая щекотливая тема, как публичная угроза иском землевладельцу – судье Темплю, не могла вызвать оживленной беседы. Наступило молчание, прерванное появлением самого Натти, который неожиданно вошел в комнату.

Старый охотник держал в руке своего неизменного товарища – «оленебой», и хотя все присутствующие были без шапок, исключая адвоката, на котором была шляпа, надетая залихватски набекрень, – он прошел к камину, не снимая своей шапки. К нему обратились с вопросами по поводу убитой им дичи, на которые он отвечал с видимой неохотой. Хозяин, друживший с Натти, так как оба они служили солдатами в молодости, подал ему стакан какого-то напитка, который был принят не без удовольствия. Осушив стакан, охотник спокойно уселся возле камина, а адвокат вернулся к прерванному разговору.

– Свидетельство негров не принимается судом, сэр, – сказал он, – потому что они собственность мистера Джонса, который располагает ими. Тем не менее судью Темпля, как и всякого, кто стреляет в другого человека, можно заставить отвечать, – я в этом уверен.

– Жестоко ошибаетесь, – воскликнула хозяйка, – если думаете затевать кляузы с судьей Темплем, у которого кошелек длиннее любой сосны, и с которым всегда можно столкнуться. Судья Темпл хороший и честный человек, такой человек, которому не нужно грозить судом, чтобы он поступил по справедливости. Я надеюсь, Кожаный Чулок, вы не будете подстрекать молодца жаловаться в суд. От этого вы оба только наживете неприятности. Скажите ему, что он может жить здесь бесплатно, пока его плечо не заживет.

– Вот это великодушно! – раздалось восклицания, а старый охотник вместо того, чтобы выразить раздражение по поводу раны, полученной его молодым товарищем, разразился припадком своего странного беззвучного смеха. Затем он ответил:

– Я знал, как только судья вышел из саней, что он не сделает ничего путного со своим гладкоствольным ружьем. Я только раз видел гладкоствольное ружье, которое хорошо действовало на Больших озерах. Это было ружье с таким же длинным стволом, как мое, и оно набило столько уток и гусей, что нам пришлось везти их в лодке. Когда я служил под начальством сэра Вильяма в форте Ниагара, у всех были длинные ружья. Это страшное оружие в руках того, кто умеет стрелять и у кого верный глаз. Капитан знает это, потому что он был солдатом, и хотя они работали только штыками, но он помнит наши схватки с французами. Чингачгук – это значит по-английски Великий Змей – теперь старый Джон-могикан, который живет в моей хижине, был тогда великим воином и стоял заодно с нами. Он тоже может порассказать об этих делах, хотя действовал больше томагавком, чем ружьем, и, выстрелив раз или два, кидался за скальпами. Ах, времена изменились с тех пор! Да, доктор, в то время от Джерман Флэте до фортов шла только тропа вдоль Могаука, по которой можно было проехать только верхом. А теперь всюду дороги, собаки то и дело сбиваются со следа, и если бы не такое хорошее чутье у Гектора, мне пришлось бы по целым дням сидеть без дичи.

– Напрасно, Натти, вы называете вашего товарища таким именем, – заметила хозяйка, – притом же старый Джон вовсе не похож на змею.

– Старый Джон и Чингачгук совсем разные люди, – ответил охотник, печально покачивая головой. – В войну пятьдесят восьмого года он был в цвете лет и даже выше ростом, чем теперь. Если бы вы видели его, как я, в то утро, когда мы разбили Диско, вы бы сказали, что другого такого молодца краснокожего нелегко найти. Он был наг до пояса, и вряд ли вы видели когда-нибудь человека, который был бы так красиво разрисован. Одна половина лица была у него красная, другая – черная. Голова была начисто выбрита, оставлен только чуб на маковке, а в нем пучок орлиных перьев, – ярких, точно из хвоста павлина. Он раскрасил себе бока и ребра так, что загляденье, – потому что Чингачгук понимал толк в этих вещах, – и со своей гордой осанкой, ножом, томагавком выглядел таким гордым воином, какого я и не видывал. И дрался молодцом, потому что я видел у него на другой день после боя тринадцать скальпов. А Великий Змей снимал скальпы только с тех, кого одолевал сам.

– Ну, ну! – воскликнула хозяйка. – Война всегда война, и ведется разными способами, но мне не нравится, когда уродуют тело убитого. Надеюсь, сержант, ты никогда не участвовал в таких дурных делах?

– Мое дело было оставаться в рядах, да ждать либо пули, либо штыка, – возразил ветеран. – Мы стояли в крепости и почти не покидали ее, так что я редко видел индейцев, которые обычно тревожили неприятеля с флангов или с фронта. Я помню все-таки, что много слышался о Великом Змее, как о знаменитом вожде. Да, я не ожидал тогда, что он примет христианство и превратится в старого Джона.

– Его окрестили моравские братья, которые всегда вертелись около делаваров, – сказал Кожаный Чулок. – По моему мнению, если бы они оставили их в покое, было бы гораздо лучше. Мы бы не дошли до такого положения, как сейчас, и эти холмы принадлежали бы их законному владельцу, который хотя еще молод, но умеет владеть ружьем и...

Слова его были прерваны шумом отворяющейся двери. В комнату вошла компания обитателей усадьбы судьи в сопровождении старого могикана.

Глава XIII

Появление новых гостей вызвало некоторое волнение. Адвокат незаметно исчез из комнаты. Большинство мужчин подошли к Мармадюку и обменялись с ним рукопожатиями, выразив надежду, что «здоровье судьи в надлежащем состоянии». Майор Гартман снял шляпу и парик, заменив последний теплым гарусным ночным колпаком, и спокойно уселся на скамье со спинкой, которая оказалась теперь свободной. Хозяин подал ему трубку. Закурив ее, майор выпустил клуб дыма, повернул голову к буфету и сказал:

– Бетти Холлистер, дайте грог!

Судья поздоровался с большинством присутствующих и уселся рядом с майором. Ричард Джонс выбрал себе самое удобное кресло в комнате. Последним уселся месье Лекуа, не решавшийся занять место, пока не убедился, что не причинит этим никому беспокойства. Могикан поместился на конце одной из скамей, довольно близко к прилавку. Когда все успокоилось, судья шутливо заметил:

– Я вижу, Бетти, что вы сохраняете свою популярность при всякой погоде и наперекор всякому соперничеству. Как вам понравилась проповедь?

– Проповедь? – воскликнула хозяйка. – Что ж? Я не могу назвать ее плохой, но уж очень она беспокойная. Не так-то легко в пятьдесят девять лет суетиться в церкви. Впрочем, мистер Грант, кажется, добрый человек, а его дочка смиренная и славная девушка. Джон, вот кружка сидра с виски! Индеец не откажется от сидра, хоть бы и не чувствовал жажды.

– Я должен сказать, – заметил Гирам внушительным тоном, – что проповедь была красноречивая. Правда, кое-что можно было бы выкинуть, а кое-что вставить, но ведь проповедь, я полагаю, была писаная, и не так легко было изменить ее.

– Вот в том-то и дело, судья, – подхватила хозяйка. – Как же может человек говорить свободно, когда все, что он скажет, уже написано, и он привязан к бумаге, как часовой к своему посту?

– Будет, будет! – засмеялся судья, махнув рукой. – Ну что, Джотэн, я слышал, будто вы продали свои расчистки новому поселенцу, а сами переселились в деревню и открыли школу. На наличные или в обмен?

Человек, к которому он обратился, сидел непосредственно позади него. Это была тощая, невзрачная личность с недовольной физиономией и выражением какой-то беспомощности во всей своей внешности. Услышав обращенный к нему вопрос, он вострепнулся, помялся и, наконец, ответил:

– Да, частью на наличные, частью в обмен. Мой покупатель дал мне десять долларов за акр расчистки и доллар сверх моей цены за акр леса. Оценить постройки мы предоставили соседям. Я пригласил Аза Монтэгу, а он – Абсалома Бемента; они же пригласили старого сквайра Нафтали Грина. Вот они сошлись и порешили на восьмидесяти долларах за постройки. Расчисток будет двенадцать акров по десяти долларов да лесу восемьдесят восемь по одному, так что всего мне достанется двести восемьдесят шесть долларов с половиной после уплаты оценщикам.

– Что же вы думаете предпринять зимою? Знаете, время – деньги.

– Видите ли, учитель уехал повидаться с матерью, которая, говорят, при смерти, а я взял на себя школу до его возвращения. Весной же, я надеюсь, какое-нибудь дело найдется. Если же нет, то я займусь своим ремеслом: я ведь сапожник.

Наступило непродолжительное молчание, нарушенное Гирамом, который спросил:

– Что нового в Нью-Йорке, судья? Кажется, эта сессия конгресса не решила ничего важного? А что слышно о французах? Все воюют?

– Воюют, – отвечал судья. – Характер нации, по-видимому, изменился. Законодательный корпус, – продолжал Мармадюк, – издал законы, в которых наша страна давно нуждается. Между прочим, закон, который запрещает ловить неводом рыбу в небольших озерах и некоторых реках в известное время года, и другой, который запрещает убивать оленей в период кормления детенышей. Этих законов давно уже требуют рассудительные люди; и я не теряю надежды, что будет издан закон также против хищнической порубки лесов.

Бумпо прислушивался к этим словам с напряженным вниманием и, когда судья закончил, засмеялся с очевидным презрением.

– Стряпайте ваши законы, судья! – крикнул он. – Но кто будет стеречь горы в долгие летние дни или озера по ночам? Дичь – только дичь, и кто ее нашел, тот ее и убивает. Таков был закон в этих горах все сорок лет, в течение которых я живу здесь, а я думаю, что старый закон стоит двух новых. Только совсем зеленый юнец убьет лань с детенышем, а мало-мальски опытный охотник знает, что ее мясо жестко и невкусно. Разве что его мокасины износились и ему нужна шкура для новых. Но выстрел в горах отдается в пятидесяти местах, и трудно вам будет узнать, где стоит тот, кто его сделал.

– Вооруженный силой закона, мистер Бумпо, – с важностью возразил судья, – бдительный чиновник может предупредить много злоупотреблений, благодаря которым дичь уже сделалась редкой. Я надеюсь дожить до того дня, когда права владельца на дичь будут так же уважаться, как его права на землю.

– Ваши права и ваши фермы – все это новые выдумки, – отвечал Натти, – притом закон должен быть равным для всех, а не помогать одному во вред другому. Недели две тому назад я подстрелил оленя и хотел выстрелить в него еще раз, но пока заряжал ружье, он перескочил через изгородь, а я не мог перелезть через нее, и олень ушел. Спрашивается, кто мне заплатит за него? Не будь изгороди, я успел бы дать по нему еще выстрел и убил бы его, потому что никогда еще не бывало, чтобы я три раза стрелял по зверю. Нет, нет, судья, не охотники, а фермеры виновны в том, что дичь стала редка.

– Дичи теперь не бывать столько, сколько во время старой войны, мистер Бумпо, – сказал майор, внимательно слушавший среди клубов дыма, – но земля существует не для дичи, а для людей.

– Я думаю, майор, что вы друг справедливости и права, хотя частенько бываете в большом доме. Скажите же, разве не тяжело человеку, когда законы отнимают у него возможность честно добывать свой хлеб? Да если еще вспомнить, вдобавок, что, будь соблюдена справедливость, он мог бы охотиться и ловить рыбу в любой день недели на самой лучшей расчистке, если бы ему вздумалось.

– Я понимаю вас, Кожаный Тшулок, – отвечал майор, оставив на охотника свои черные глаза, – но ви не бивали такой благоразумный, чтобы видеть вперед.

– В голову не приходило, – угрюмо ответил охотник и погрузился в молчание.

– Судья начал рассказывать нам что-то о французах, – заметил Гирам после продолжительной паузы.

– Да, сэр, – сказал Мармадюк, – французская революция продолжается.

– Чудовищно! – пробормотал месье Лекуа, судорожно заерзав на стуле.

– Провинция Вандея наводнена республиканскими войсками, и восстание подавлено. Вероятно, месье Лекуа знаком с этой провинцией и может сообщить нам о ней что-нибудь.

– Нет, нет, нет, мой дорогой, – возразил француз скороговоркой, делая растерянный жест правой рукой и закрывая левой глаза.

– В последнее время было много сражений, и республиканцы почти всегда остаются победителями. Я, впрочем, не жалею, что они отняли Тулон у англичан, потому что за ними все права на эту крепость.

– О-о-о! – воскликнул месье Лекуа, вскакивая и в волнении размахивая обеими руками.

Несколько мгновений француз бегал по комнате, издавая бессвязные восклицания. Затем он бросился вон из комнаты и побежал в свою лавочку, размахивая на бегу руками. Уход его не вызвал удивления, так как все уже привыкли к его странностям. Майор Гартман расхохотался и, подняв кружку, сказал:

– Француз с ума сошел, но ему нетшего пить, он пьян от радости.

– Французы – хорошие солдаты, – заметил капитан Холлистер, – они много помогли нам при Йорктоуне, и хотя я мало знаю о движениях войск, но думаю, что без их помощи Вашингтону не удался бы поход против Корнваллиса¹⁰.

– Ты правду сказал, сержант, – подтвердила его супруга, – и я желала бы, чтобы ты всегда говорил ее. Французы – храбрые ребята и бравые кавалеры. Помню, тащила я со своей тележкой, когда вы были в авангарде, и повстречала полк французских джентльменов; они живо разобрали у меня весь запас. Вы спросите, заплатили ли? Еще бы нет, и все звонкими кронами; этих дурацких американских бумажонок у них и в помине не было. Но как бы то ни было, французы платили чистым серебром. Притом, когда с ними имеешь дело, то из пяти стаканов один остается в твою пользу, потому что они никогда не осушают стакана до дна, а всегда оставят сколько-нибудь. А ведь это выгодная торговля, судья, когда платят хорошо, а требуют мало.

– Конечно, миссис Холлистер, – ответил Мармадюк. – Но куда девался Ричард? Он присел было на минутку и тотчас исчез, и так долго не возвращается, что я боюсь, не замерз ли он где-нибудь.

– Не бойся, кузен Дюк, – воскликнул Джонс, появляясь в дверях. – Работа согреть в самую морозную ночь. Бетти, ваш муж сказал мне, что у ваших свиней сделалась короста; вот я и зашел взглянуть на них и убедился, что он прав. Тогда я сбегал к вашему помощнику, доктор, заставил его отвесить мне фунт разных специй и подмешал в свиное пойло. Готов поставить оленя против белки, что они будут здоровы через неделю. А теперь, Бетти, я не прочь от кружки флипа¹¹.

– Я знала, что вы его потребуете, – отвечала хозяйка, – он готов и уже вскипел... Любезный сержант, достань-ка кружку... нет, вон ту, самую большую, у огня. Попробуйте, мистер Ричард, и скажите, как она вам покажется.

– Превосходно, Бетти, вы мастерица составлять флип, – ответил Ричард, отхлебнув из кружки и переводя дух. – А, Джон, и вы здесь! Пейте, дружище, пейте! Я, вы и доктор Тодд исполнили сегодня хорошую операцию над плечом того молодца. Дюк, я сочинил песню в ваше отсутствие – выдалась как-то свободная минутка. Слушайте, я вам спою куплет или два, хотя еще не подобрал мотива:

В жизни горя не избежнешь,
Такова судьба!
Ну так что же? Не горюем,
Распеваем да пируем...
Все нам трын-трава!
Веселись назло судьбине,
А не то в лихой кручине
Побелеет голова!

¹⁰ Значительная победа американцев над англичанами 17 октября 1781 г.

¹¹ Подслащенная смесь пива и джина (водки).

– Что скажешь, Дюк? Готов и еще куплет, почти весь, да я не нашел еще рифмы для последней строчки. Как тебе нравится моя песня, старый Джон? Ведь не хуже ваших военных песен?

– Хороша, – сказал могикан, который, осушив кружку, поданную ему хозяйкой, не упускал случая хлебнуть и из круговых кружек майора и Мармадюка.

– Браво, браво, Ритшард! – воскликнул майор, черные глаза которого становились уже влажными. – Брависсимо! Хороший песня! Но Натти Бумпо знает лучше. Кожаный Тшулок, спевайте песню, старина! А? Спевайте лесную песню.

– Нет, нет, майор, – возразил охотник, грустно покачивая головой. – Не думал я, что мне придется на своем веку увидеть то, что теперь делается в этих горах, и не до пения мне. Если тот, кому по праву следует быть здесь господином и хозяином¹², принужден утолять жажду снеговой водой, то не пристало тем, которые жили его добротой, веселиться, как будто на свете только солнечный свет да лето.

Сказав это, Кожаный Чулок снова опустил голову и закрыл руками свое загорелое, морщинистое лицо. Переход от крайнего холода к духоте бара и быстрая расправа с флипом привели к тому, что деятельный Ричард уже захмелел. Он протянул кружку с дымящимся флипом охотнику и воскликнул:

– Веселей, старина! Веселей встречайте Рождество! Солнечный свет и лето, – нет, вы слепы, Кожаный Чулок, надо было сказать: лунный свет и зима. Откройте глаза и наденьте очки...

Веселись назло судьбине,
А не то в лихой кручине
Побелеет голова.

– Послушайте-ка, старый Джон затянул песню. Какой ужасный вой – индейские песни! Они совсем не умеют петь по нотам!

Пока Ричард болтал и пел, могикан затянул унылую, однотонную песню, покачивая в такт головой и туловищем. Он произносил какие-то слова на своем родном языке, понятным только ему и Натти. По временам его голос повышался до резкой, пронзительной ноты, затем снова падал до низких, дрожащих звуков.

Гости, сидевшие на задних скамьях, разбились на группы, толковавшие о разных предметах, главным образом о лечении свиней от чесотки и о проповеди пастора Гранта. Доктор Тодд объяснял Мармадюку свойства раны, полученной молодым охотником.

Могикан продолжал петь, лицо его под черными косматыми волосами приняло мало-помалу свирепое выражение, голос раздавался все громче, так что присутствующие должны были прекратить разговор. Охотник поднял голову и ласково обратился к вождю на делаварском языке.

– К чему петь о прежних битвах, Чингачгук, и о павших в бою воинах, когда злейший враг подле тебя и отнимает у Молодого Орла его право? Я сражался в стольких же битвах, как любой воин твоего времени, но мне нечем хвастаться в такое время.

– Соколиный Глаз, – сказал индеец, вставая и пошатываясь. – Я Великий Змей делаваров. Я могу выслеживать минга, как уж выслеживает яйца козодоя, и поражать их смертельно, как гремучая змея. Белый человек хотел сделать томагавк Чингачгука светлым, как воды Отсега. Но он еще красен от крови магуасов.

¹² Земли вокруг Темпльтона до образования этого поселка принадлежали майору Эффингаму и после их конфискации были скуплены Мармадюком.

– А для чего ты убивал воинов минга? Не для того ли, чтобы сохранять за детьми твоего отца эти земли и воды? А разве кровь воина не течет в жилах молодого вождя, который должен был бы говорить здесь громко, между тем как голос его едва слышен?

Обращение охотника, по-видимому, заставило индейца собраться с мыслями. Он повернул голову к слушателям и пристально посмотрел на судью. Покачав головой, он откинул с лица волосы, нависшие перед ставшими злобными глазами. Он уже не владел собой. Рука его тщетно пыталась схватить томагавк, ручка которого торчала у него за поясом, глаза его стали блуждающими. В эту минуту Ричард поставил перед ним кружку. Лицо могикана исказилось бессмысленной гримасой, он схватил кружку обеими руками, опустил на скамью ипил, пока не поперхнулся, а затем в полном изнеможении выпустил кружку из рук.

– Не проливай крови! – воскликнул охотник, следивший за движениями Чингачгук. – Но нет, он пьян и не может сделать зла. Потерпи, Чингачгук, пока будет восстановлено право!

Натти говорил на делаварском языке, которого никто не понимал. Едва он кончил, Ричард воскликнул:

– Ну, старый Джон готов! Уложите его где-нибудь в сарае, капитан, я плачу за него. Я сегодня богат, вдесятеро богаче Дюка со всеми его землями, и фермами, и закладными, и арендами, и доходами.

Веселись назло судьбине,
А не то в лихой кручине
Побелеет голова.

– Пей, Гирам, пей, мистер Дулитль, пейте, сэр, говорят вам!

– Хе, хе, хе! Сквайр сегодня что-то расходился, – сказал охмелевший Гирам.

– Ты так шумишь, Дик, – вмешался в разговор Мармадюк, – что я не могу расслышать, что говорит доктор Тодд. Вы, кажется, сказали, что ране угрожает опасное воспаление вследствие холодной погоды?

– Не согласно с природой, сэр, совершенно не согласно с природой, – сказал Эльнатан, пытаясь отхаркаться, – совершенно не согласно с природой, чтобы ране, из которой я вынул пулю, и которая так хорошо перевязана, могло угрожать опасное воспаление. Вы говорили, сэр, что возьмете молодого человека к себе в дом. Ввиду этого, я полагаю, мне будет удобнее представить один общий счет?

– Да, я думаю, что одного счета будет достаточно, – отвечал Мармадюк с двусмысленной улыбкой, выражавшей не то иронию по адресу своего собеседника, не то просто веселое настроение духа.

Хозяин с помощью нескольких гостей перенес индейца на солому в одну из своих пристроек, где могикан Джон и оставался до утра, закутавшись в свое одеяло.

Мало-помалу майор Гартман развеселился, начал шутить и принял участие в разговоре. Стакан следовал за стаканом, кружка за кружкой, и веселье затянулось до глубокой ночи или, вернее, до утра, и только тогда германский ветеран выразил намерение вернуться домой. Большинство гостей давно уже разошлось, но Мармадюк слишком хорошо знал привычки своего друга, чтобы настаивать на раннем возвращении. Но как только майор захотел идти домой, судья немедленно воспользовался этим, и все трое отправились. Миссис Холлистер проводила их до дверей, усердно рекомендуя быть осторожными на ступеньках крыльца. – Возьмите руку мистера Джонса, майор, – говорила она, – он молод и поддержит вас. Очень рада видеть вас у «Храброго драгуна», и, конечно, нет греха в том, чтобы встретить Рождество весело и с легким сердцем. Ведь неизвестно, придется ли нам встречать его еще раз. Покойной ночи, судья, и желаю вам всем, джентльмены, весело провести праздник!

Собутыльники распрощались, выговаривая слова не совсем отчетливо, и направились посередине улицы, ровной, гладкой и хорошо утоптанной. Они добрались до ворот усадьбы без особенных приключений, но, очутившись во владениях судьи, натолкнулись на кое-какие препятствия. Когда Мармадюк добрался до подъезда, его спутников при нем не оказалось, так что он принужден был вернуться за ними и нашел их в глубоком сугробе, из которого торчали только их головы, причем Ричард во все горло распевал:

Веселись назло судьбине,
А не то в лихой кручине
Побелеет голова!

Судья не без труда заставил их встать и, поместившись между ними, взял их под руки и, как выразился Бенджамен, успел прибуксировать эти неустойчивые суда в гавань без новых аварий.

Глава XIV

Ремаркабль присутствовала на службе мистера Гранта, и ее раздражение, возбужденное резким замечанием судьи, несколько улеглось. Она соображала, что Елизавета еще очень молода, и что нетрудно будет, внешне уступая, сохранить фактическую власть, которую до сих пор у нее никто не оспаривал. Мысль о том, что ею будут командовать, или что ей придется стать на один уровень с прислугой, была для Ремаркабль невыносима, и она уже несколько раз пыталась завести разговор, который позволил бы ей выяснить свое положение. Но всякий раз, когда ее взгляд встречался с черными гордыми глазами Елизаветы, которая ходила взад и вперед по комнате, размышляя о своем детстве, о перемене в своей судьбе и, может быть, о событиях дня, ключница испытывала какую-то робость, которую, как она думала, не мог бы возбудить в ней ни один человек. Как бы то ни было, это странное чувство заставляло ее всякий раз прикусить язык. Наконец она решилась начать разговор на такую тему, которая могла сгладить все различия и давала ей возможность проявить дипломатические способности.

– Весьма велеречивую проповедь сказал нам сегодня пастор Грант, – начала Ремаркабль. – Церковники вообще мастера проповедовать, но ведь они записывают свои мысли, а это большое удобство. Зато вряд ли они умеют так умилительно проповедовать от избытка сердца, как проповедники стоячего богослужения.

– Что вы называете стоячим богослужением? – не без удивления спросила мисс Темплъ.

– Ну, пресвитериане, конгрегационисты, баптисты, да и все те, которые не становятся на колени.

– В таком случае, вы называете исповедание, к которому принадлежит мой отец, сидячим богослужением? – заметила Елизавета.

– Я всегда слыхала, что их называют квакерами, – возразила Ремаркабль с некоторым смущением, – и я ни в коем случае не назову их иначе, как никогда в жизни не отзывалась непочтительно о судье или о ком-нибудь из его семьи. Квакеры сидят смирно и почти не говорят, тогда как церковники и встают, и поют, и проделывают всякие движения, так что поглядев на них, подумаешь, что это какое-нибудь музыкальное собрание.

– Вы указываете преимущество, которого я до сих пор не замечала. Но я устала и хочу отдохнуть. Будьте добры посмотреть, есть ли огонь в моей комнате.

Ключнице невероятно хотелось ответить молодой хозяйке, что она может сделать это сама, но благоразумие одержало верх над раздражением, и, помедлив несколько мгновений для соблюдения достоинства, она повиновалась. Ответ оказался утвердительным, и молодая леди, пожелав спокойной ночи ключнице и Бенджамену, подкладываявшему в камин дрова, удалилась.

Как только дверь за ней затворилась, Ремаркабль завела какую-то загадочную двусмысленную речь, не высказывая ни явного осуждения, ни явного одобрения молодой хозяйке, но довольно ясно давая заметить свое недовольство. Дворецкий не отвечал ни слова, но усердно продолжал свое занятие, затем взглянул на термометр и, наконец, достал из буфета изрядный запас «крепительных» напитков, которые могли бы поддержать теплоту в его организме, если бы он даже не развел огня. Придвинув к камину маленький столик, он поставил на него бутылки и стаканы, придвинул к нему два кресла и, только устроив все это, как-будто впервые заметил ключницу.

– Пожалуйте сюда, – крикнул он, – пожалуйте сюда, миссис Ремаркабль, бросайте якорь в этом кресле! На дворе здоровый вест-норд-вест, вот что я вам скажу, моя добрейшая, но какое мне дело? Шквал или затишье, – для Бенджамена все едино. Негры устроились в трюме перед огнем, на котором можно зажарить целого быка!.. Термометр показывает пятьдесят пять градусов, но если хорошие кленовые дрова чего-нибудь стоят, то я готов поклясться, что не

пройдет и одной склянки, как он будет показывать десятью градусами больше. Пожалуйста, сударыня, причаливайте к этому креслу и скажите мне, как вам нравится наша новая хозяйка?

– По моему мнению, мистер Пенгвильян...

– Помпа, Помпа, – перебил Бенджамен, – сегодня сочельник, миссис Ремаркабль, и потому, извольте видеть, вам лучше называть меня Помпой. Это имя короче, и так как я намерен выкачивать жидкость из этой бутылки, пока ее дно не будет сухо, то вы можете называть меня Помпой.

– Вот забавник! – воскликнула Ремаркабль с хохотом, от которого ходуном заходило все ее тело. – Вы престранное создание, Бенджамен, когда бываете в духе. Но, как я вам уже сказала, я передвижу большие перемены в этом доме...

– Перемены! – воскликнул дворецкий, поглядывая на бутылку, которая пустела с поразительной быстротой. – Все это пустяки, миссис Ремаркабль, пока ключи от камбуза у меня в кармане.

– Могу сказать, – продолжала ключница, – что съестного и выпивки в этом доме хватило бы на целый полк, – еще немножко сахара, Бенджамен, в этот стакан, – потому что сквайр Джонс запасливый хозяин. Но ведь новые господа – новые законы, и я не удивлюсь, если мое и ваше положение здесь окажется непрочным.

– Жизнь непостоянна, как ветер, – сказал Бенджамен наставительным тоном, – а нет ничего изменчивее ветра, миссис Ремаркабль, разве только вам удастся попасть в полосу попутных ветров. Тогда вы, действительно, можете плыть целый месяц, поставив лиселя с обеих сторон, вверху и внизу, и поручив руль юнге.

– Я знаю, что в жизни нет ничего прочного, – отвечала Ремаркабль, подлаживаясь к настроению своего собеседника. – Но я не о том говорю. Я ожидаю, что в доме произойдут большие перемены, и что вам на голову посадят какого-нибудь молокососа, как и мне желает некто сесть на голову. А это вряд ли покажется вам приятным.

– Повышение в должности должно сообразоваться с продолжительностью службы, – отвечал дворецкий, – и если это правило не будет соблюдаться, то я подам в отставку быстрее, чем они успеют повернуть на другой галс. Сквайр Джонс славный джентльмен и отличный командир, лучше которого и желать нельзя. Но я скажу сквайру, извольте видеть, на чистом английском языке, что если мне вздумают посадить на голову молокососа, то только меня и видели. Человек, который прослужил тридцать лет на разных кораблях и знает досконально всякую штуку от носа до кормы, никогда не затруднится, что делать с своей особой. Ну-с, и, стало быть, за ваше драгоценнейшее...

Ремаркабль кивнула головой на это приветствие и отхлебнула из стоявшего перед ней стакана. Вообще она не отказывалась время от времени выпить, если вино было хорошо подслащено. После этого обмена любезностями достойная чета продолжала беседу.

– Вы, должно быть, много испытали в жизни, Бенджамен; ведь кто плавает в море на корабле, тот видит многое.

– Ну, иной раз и скверное, миссис Петтибон! Но, в конце концов, море много дает человеку по части знаний, потому что он видит обычаи разных народов и разные земли. Вот хоть меня возьмите, даром, что я неученый человек в сравнении с иными мореходами, а все-таки вряд ли найдется от Гагского мыса до мыса Финистера такая земля или такой остров, которых я не мог бы назвать, и о которых не мог бы что-нибудь рассказать... Вот сахар, почтеннейшая, да подбавьте рома... Да-с, я знаю весь этот берег не хуже, чем дорогу отсюда до «Храброго драгуна». А чего стоит один Бискайский залив! Ух! Послушали бы вы, как там ревет ветер. Волосы дыбом встанут. Плавать по этому заливу все равно, что путешествовать в здешней стране с горы на гору.

– Скажите! – воскликнула Ремаркабль. – Неужели море поднимается так же высоко, как горы, Бенджамен?

– Сейчас я вам все доложу по порядку, сударыня, но сначала попробуем грог. Гм! Недурно! В этой стране можно иметь хороший материал, недаром же она так близко от Ямайки. Что касается моря, то в Бискайском заливе оно еще довольно покойно, если только не дует зюйд-вест. Тогда валы громоздятся здоровые. Но если вы хотите узнать, какие бывают волны, то попробуйте проплыть мимо Азорских островов при западном ветре так, чтобы земля была под левым бортом, а кормой держите к югу. Вот тогда увидите горы. Когда я был там на «Боадичее», почтеннейшая, то случилось, что фрегат почитай что упирался грог-мачтой в небо, а под ветром у него открывалась такая пропасть, в которую мог бы провалиться весь британский флот.

– Страсти какие! Небось, натерпелись вы страху, Бенджамен? Да как же вы оттуда выбрались?

– Страху! А какого нам черта бояться, – что соленой водой спрыснет? Велика беда! Как выбрались? Когда палуба была вымыта начисто, и нам надоело это, мы вызвали всех наверх, потому что те, чья очередь еще не наступила, спали себе внизу на койках, точно в наилучшей спальне. Вызвали всех наверх, принялись за дело, и то-то полетел наш фрегат! Ну, да и ходок был он, вы бы залюбовались, миссис Петтибон! Уверяю вас, почтеннейшая, – а я лгать не стану, – что он прыгал с горы на гору точно белка с дерева на дерево.

– Как! Совсем над водой! – воскликнула Ремаркабль, разводя от изумления костлявыми руками.

– Под водой или над водой, этого я и сам не скажу, почтеннейшая, потому что брызги и пена были так густы, что никто бы не разобрал, где тут вода, где туман. Но летел он стрелой, сударыня, и выдерживал как нельзя лучше. Это такой фрегат, что в нем покойнее жить, чем в наилучшем доме.

– Ну, а вы, Бенджамен, – воскликнула ключница, ошеломленная рассказом об опасностях, которым подвергался буфетчик, – что собственно вы делали?

– Что делал?.. Известно, что! Исполнял свой долг, как и все остальные. Будь на корабле соотечественники месье Лекуа, они посадили бы его на камни у какого-нибудь островка, но мы такой глупости не сделали, мы держались вдоль берегов, пока не поравнялись с Пиком, а там стали забирать то левым бортом, то правым. Я сам хорошенько не знаю: то ли мы перескочили через остров, то ли обогнули его, только были мы здесь, а стали там, вертелись во все стороны, шли то носом, то кормой, то одним галсом, то другим, а там и ветер утих.

– Удивительно! – сказала Ремаркабль, которая ничего не понимала в рассказе Бенджамена, но все-таки вынесла из него смутное представление о жестокой буре. – Должно быть, ужасно страшно жить на море, и я не удивляюсь, что вам не хочется покидать такой покойный дом. Положим, свет не клином сошелся. Когда судья пригласил меня приехать и поселиться у него, я вовсе не рассчитывала остаться здесь. Я приехала посмотреть, что подельывает семья спустя неделю после смерти мисс Темпль, и думала уехать в тот же вечер. Но семья была в таком расстройстве, что я не могла не остаться: надо же было помочь ей.

– И долгонько-таки оставались на борту, сударыня; видно, корабль оказался хоть куда.

– Что вы говорите, Бенджамен! Вам нельзя верить ни в одном слове. Ну да, судья и сквайр Джонс до сих пор поступали разумно, но теперь, я вижу, начинается совсем другое. Я знала, что судья уехал за дочерью, но не ожидала ничего подобного. По-моему, Бенджамен, ничего путного нельзя ждать от этой безобразной девчонки.

– Безобразной? – воскликнул дворецкий, вытаращив глаза, которые начали было слипаться. – Клянусь лордом Гарри, сударыня, это все равно, что назвать «Боадичею» плохим фрегатом! Что вы мелете? Да разве ее глаза не блестят, как самый лучший деготь? Разве ходит она не так же плавно, как перворазрядный фрегат при попутном ветре?

– Выражайтесь прилично, Бенджамен, – сказала ключница, – иначе я не стану водить с вами компанию. Я не отрицаю, что она выглядит смазливой, но я уверена, что она окажется

плохого поведения. Она так много о себе думает, что и говорить с людьми не хочет. По рассказам сквайра Джонса, я воображала, что она очарует меня, а теперь вижу, что Луиза Грант куда милее, она не захотела со мной разговаривать, когда я спросила ее, как она себя чувствует дома и скучает ли по своей маме.

– Может быть, она не поняла вас, почтеннейшая! Вы язык-то калечите на здешний лад, а мисс Лиза училась языку у настоящей лондонской леди и владеет им почти так же хорошо, как я сам и любой прирожденный англичанин. Вы позабыли, чему в школе учились, а наша молодая хозяйка только что закончила учебу.

– Хозяйка! – воскликнула Ремаркабль. – Вы принимаете меня за негритянку, Бенджамен! Мне она не хозяйка и никогда не будет ею. А по части разговора я никому в Новой Англии не уступлю. Я родилась и выросла в графстве Эссекс у залива, а оно славится своим произношением.

– Слыхал я об этом заливе, – возразил Бенджамен, – но, признаться, никогда не бывал там и не знаю, где он лежит. Может быть, там и вправду хорошая якорная стоянка, но уж, конечно, перед Бискайским заливом он то же, что ялик перед линейным кораблем. А если вы хотите услышать хорошее произношение, то потрудитесь отправиться в лондонское предместье Уоппинг, населенное матросами, да послушайте, как там объясняются. Ну да ладно, все-таки я не вижу, добрейшая моя, чем вас обидела мисс Лиза, а потому забудьте худое и хлопнем по стаканчику за ее здоровье.

– Ну нет! Я на это не согласна, Бенджамен. Такое обращение для меня новость, и я не намерена его выносить. У меня полтора доллара, да кровать, да двадцать овец, и я не намерена оставаться в доме, где нельзя назвать человека по его имени. Я буду называть ее Бесси или как мне вздумается. Мы живем в свободной стране, и никто не может мне это запретить. Я хотела остаться здесь до лета, но уйду завтра же утром, и буду разговаривать с ней, как мне вздумается.

– По этой части, миссис Ремаркабль, – сказал Бенджамен, – никто не станет спорить с вами, потому что легче остановить ураган носовым платком, чем удержать ваш язык, когда он снялся с якоря. А скажите-ка, добрейшая, много ли обезьян водится на берегах вашего залива?

– Сами вы обезьяна или медведь, мистер Пенгвильян! – взвизгнула взбешенная ключница. – Неуклюжий черный медведь, с которым нельзя иметь дела приличной женщине! Никогда больше не стану водить с вами компанию, сэр, хоть бы мне пришлось прожить у судьи тридцать лет. Такие разговоры приличны на кухне, а не в гостиной порядочного дома.

– Послушайте, миссис Питти-Патти-Преттибон, может быть, я и похож на медведя и, пожалуй, покажусь медведем всякому, кто вздумает меня тронуть, но уж, конечно, я не обезьяна, не трещотка, которая болтает, сама не зная что, не попугай, который готов беседовать на каком угодно языке: на греческом, на голландском, на языке графства Эссекс... Но понимает ли он сам, что говорит? Можете вы мне ответить на этот вопрос, добрейшая? Мичман может передать распоряжение капитана, но заставьте-ка его самого вести корабль, и поперхнуться мне этим грогом, если он не насмешит всех, до последнего юнга.

– И лучше бы вам поперхнуться грогом! – сказала Ремаркабль, вставая с негодованием и хватая свечку. – А то вы насосались грогу так, что порядочной женщине лучше уйти из вашей компании, Бенджамен!

Ключница удалилась, стараясь держаться с таким же достоинством, как молодая хозяйка дома, и с треском захлопнула за собой дверь, пробормотав предварительно: «пьяница, болван, животное».

– Кто это пьяница! – крикнул Бенджамен с сердцем, приподнимаясь и делая угрожающее движение в сторону Ремаркабль. – Туда же корчит из себя леди, старая карга! А у самой ни кожи, ни рожи, ни манер, ни обращения!..

Бенджамен снова опустился в кресло и вскоре принялся издавать звуки, которые в самом деле походили на рычание медведя. Прежде, однако, чем окончательно заснуть, он успел послать по адресу ключницы, соблюдая должные паузы, ряд выразительных прозвищ, вроде «мартышка», «попугай», «трещотка», «чертова перечница» и «болтушка».

Через два часа сон его был нарушен шумным возвращением Ричарда, майора Гартмана и хозяина дома. Бенджамен пришел в себя настолько, что мог проводить двух первых в их помещение, а затем исчез. Задвижки и засовы в те времена не были в ходу в новых поселениях, и Мармадюк, убедившись, что огни везде погашены, отправился спать.

Глава XV

К счастью для гуляк, засидевшихся у «Храброго драгуна», мороз значительно ослабел к тому времени, когда они пробирались по сугробам в свои жилища. Легкие, тонкие облака неслись по небу, и луна скрылась за массой паров, гонимых к северу южным ветром, обещавшим оттепель.

Утро уже давно наступило, хотя солнце еще боролось с облаками, когда Елизавета вышла из дома взглянуть на места, где протекло ее детство. Она хотела это сделать прежде, чем заспавшиеся обитатели дома соберутся к завтраку. Закутавшись в шубку, так как холод, хотя и ослабевший, все еще был достаточно силен, Елизавета шла по садику, примыкавшему к заднему фасаду дома, направляясь к молодой сосновой рожице. Ее окликнул Джонс.

– С веселым праздником, кузина Бесс! – крикнул он. – А, а! Вы, я вижу, рано встаете. А все-таки я вас опередил. Еще ни разу не случилось, чтобы кто-нибудь в доме – мужчина, женщина, ребенок, малый или большой, черный, белый или желтый – встретил Рождество раньше меня. Но постойте минуточку, я сейчас оденусь. Вы хотите посмотреть улучшения, которые сделались в ваше отсутствие, а кроме меня, никто не сумеет вам показать и объяснить их, потому что все планы составлены мною. Пройдет еще не меньше часа, пока Дюк и майор проспят после чертовского поила миссис Холлистер, и мы с вами успеем к тому времени все осмотреть. Сейчас я сойду к вам.

Елизавета повернулась на голос и увидела голову своего кузена, в ночном колпаке, высунившуюся из окна его спальни. Она засмеялась и, сказав, что подождет его, вернулась в свою комнату, откуда вышла снова с каким-то пакетом, запечатанным несколькими большими печатками, в руках как раз в тот момент, когда Джонс спускался с лестницы.

– Идем, Бесси, идем, – воскликнул он, беря ее под руку, – снег начинает таять, но еще сдержит нас. Не правда ли, здесь сам воздух пахнет старой Пенсильванией? Отвратительный климат: вечером на закате солнца такой холод, что может душу выморозить из человека; между девятью и десятью уже помягче; в двенадцать совсем не холодно; а под конец ночи такая теплынь, что я не мог спать под одеялом. Эй! Эгги, с веселым Рождеством! Эгги, слышишь ты меня, черный пес? Вот тебе доллар: если джентльмены встанут до моего возвращения, уведоми меня немедленно. Если Дюк опередит меня, я тебе голову сорву.

Негр подобрал монету, брошенную Ричардом, пообещал ему не прозевать, подбросил доллар метров на семь вверх и, поймав его налету, побежал в кухню похвастаться подарком.

– О, не беспокойся, дорогой кузен, – сказала девушка, – я было заглянула к папе, но он спит так крепко, что, наверно, проспит еще не менее часа, и вы окажетесь всюду впереди.

– Видите ли, Дюк – ваш отец, Елизавета, но он человек, который любит быть первым даже в пустяках. Что касается меня, то мне это безразлично, если только речь идет не о состязании: потому что самая пустая вещь может оказаться важной в случае азарта. Так-то и с вашим отцом – он любит быть первым, а я только состязаюсь с ним.

– Понимаю, сэр, – отвечала Елизавета, – вы бы не дорожили отличием, если б никого, кроме вас, не было на свете, но так как есть много других, то вам приходится бороться со всеми ради азарта.

– Именно; я вижу, что вы умная девушка, Бесс, и ваши учителя могут гордиться вами. Это я выбрал для вас школу, потому что, как только ваш отец заикнулся об этом, я написал в Нью-Йорк одному приятелю, очень рассудительному человеку, который и рекомендовал ваш пансион. Дюк было уперся сначала, по обыкновению, но когда лучше ознакомился с делом, должен был уступить.

– Пощадите Дюка, сэр! Он мой отец; если бы вы знали, как он хлопотал для вас в Альбани, вы бы отнеслись к нему снисходительнее.

– Для меня? – воскликнул Ричард, остановившись на минуту и задумываясь. – Он! Он добывал для меня проект новой голландской церкви, но я не особенно забочусь о нем, потому что человек, обладающий талантом, редко нуждается в посторонних внушениях. Его собственный мозг – лучший архитектор.

– Нет, я не то подразумевала, – возразила Елизавета с улыбкой, которая раззадорила его любопытство.

– Не то! Позвольте, может быть, он предложил меня кандидатом в инспекторы застав?

– Может быть, но я намекала не на это назначение.

– Не на это назначение! – повторил мистер Джонс, любопытство которого достигло высшей точки. – Значит, дело идет о назначении. Если в милицию, то я откажусь от него.

– Нет, нет, вовсе не в милицию, – воскликнула Елизавета, показывая лукаво пакет и снова пряча его, – это назначение и почетное, и выгодное.

– Почетное и выгодное! – повторил Ричард в мучительном нетерпении. – Дайте мне бумагу, мисс! Скажите, в этой должности придется что-нибудь делать?

– Без сомнения, кузен Дик! Отец, отдавая мне этот пакет, чтобы я передала его вам в качестве рождественского подарка, сказал: «Уж если что-нибудь понравится Дику, так это исполнительная власть в графстве».

– Исполнительная власть! Что за вздор! – воскликнул нетерпеливый джентльмен, выхватывая пакет из ее рук. – Такой и должности не существует. А, вот оно что! Указ, назначающий Ричарда Джонсона, эсквайра, шерифом графства! Ну, это очень мило со стороны Дюка, положительно! Я должен сознаться, что Дюк обладает любящим сердцем и никогда не забывает своих друзей. Шериф! Главный шериф графства!.. Это недурно звучит, но я буду исполнять должность еще лучше. В конце концов, Дюк рассудительный человек и знает человеческую натуру. Я очень обязан ему, – продолжал он, бессознательно вытирая рукавом глаза, – но и я со своей стороны рад все сделать для него, он это знает, и я надеюсь, что новая должность даст мне случай доказать это. Вот увидите, кузина Бесс, увидите! Как слезятся глаза от этого проклятого южного ветра!

– Теперь у вас будет дело, Ричард, – сказала девушка, смеясь. – Я часто слышала, как вы жаловались, что в новой стране нечего делать, хотя, на мой взгляд, в ней нужно сделать все.

– Сделать! – воскликнул Ричард, выпрямившись во весь свой маленький рост и принимая серьезный вид. – Главное, во всем нужна система. Я сегодня же примусь за дело и приведу в систему графство. Мне необходимы помощники, да! Я разделю графство на округа и поставлю над каждым помощника, в Темпльтоне тоже. Здесь будет мое министерство внутренних дел. Посмотрим... О! Бенджамен! Да, Бенджамен будет хорошим помощником. Он здесь совсем освоился и как нельзя больше подходит для этого дела... Жаль одно: он не умеет ездить верхом.

– Да, мистер шериф, – заметила девушка, – и так как он имел много дел с веревками, то окажется очень полезным при исполнении судебных приговоров...

– Нет, – перебил Ричард, – смею думать, что никто не сумеет повесить человека лучше, чем... то есть... кха... хм!.. Да, конечно, Бенджамен сумел бы выполнить эту печальную обязанность, если бы мне удалось убедить его взяться за нее. Но я не надеюсь на это. Никогда он не согласится ни повесить человека, ни ездить верхом. Придется искать другого помощника.

– Однако, сэр, у вас будет довольно времени заняться всеми этими важными делами, а теперь потрудитесь забыть, что вы главный шериф, и покажите себя любезным кавалером. Где же те красоты и улучшения, которые вы собирались показать мне?

– Где? Как где? Везде. Здесь я заложил несколько новых улиц, и когда они будут окончательно проведены, деревья вырублены и дома построены, город выйдет хоть куда. Да, да, Дюк великодушный малый при ведем своем упрямстве. Мне потребуется четыре помощника, кроме тюремщика.

– Я не вижу никаких улиц, – возразила Елизавета, – если только вы не называете улицами эти просеки. Вряд ли эти болота и леса скоро заменятся домами.

– Мы должны проводить улицы по компасу, кузина, невзирая на леса, холмы, озера, болота, помня только о потомстве. Такова воля вашего отца, а ваш отец, сами знаете...

– Сделал вас шерифом, мистер Джонс, – перебила девушка таким тоном, который ясно показывал, что он коснулся запрещенного предмета.

– Знаю, знаю, – ответил Ричард, – и если бы это было в моей власти, я сделал бы Дюка королем. Он благородный малый и был бы отличным королем, если бы, то есть, имел при себе хорошего первого министра. Но кто это там? Я слышу голоса в кустах. Какие-нибудь злоумышленники... Пущу-ка я в ход свое назначение. Подойдем поближе и посмотрим, что там такое.

Ричард и его кузина отошли довольно далеко от дома и находились на поляне за деревней. Здесь все «улучшения» ограничились покамест просекой через сосновый лес, заросший кустарниками и мелкими сосенками. Их шаги заглушались шумом ветра и шорохом ветвей, а деревья закрывали их фигуры, так что они подошли незамеченными к тому месту, где молодой охотник, Кожаный Чулок и индейский вождь сошлись для какого-то серьезного совещания. Первый говорил с жаром и, по-видимому, придавал предмету, о котором шла речь, важное значение, а Натти слушал его с необычайным вниманием. Могикан стоял несколько в стороне от них, понурив голову. Лицо его было закрыто прядями волос, и вся поза его была какой-то пришибленной.

– Уйдем, кузен, – прошептала Елизавета, – мы не имеем права подслушивать секреты этих людей.

– Не имеем права! – возразил Ричард так же тихо, удерживая ее руку. – Вы забываете, кузина, что мой долг блюсти порядок в графстве и следить за исполнением законов. Эти бродяги часто совершают бесчинства, хотя я не думаю, чтобы Джон мог затеять что-нибудь дурное. Бедняга! Он напился до положения риз вечером и, кажется, до сих пор еще не оправился. Подойдемте поближе и послушаем, что они говорят.

Несмотря на сопротивление девушки, Ричард одержал верх, и они подошли так близко, что могли слышать разговор.

– Надо добыть птицу, – сказал Натти, – во что бы то ни стало. Ох-хо-хо, я помню, малый, время, когда индейки попадались здесь на каждом шагу, а теперь за ними нужно идти в Виргинские леса. Конечно, откормленная индейка не то, что куропатка. Хотя, по-моему, нет ничего лучше бобрового хвоста и медвежьего окорока. Ну, да у всякого свой вкус. Я отдал все, кроме этого шиллинга, французскому торговцу за порох, так что, если у вас ничего нет, то мы имеем только один выстрел. Я знаю, что Билли Кэрби тоже намерен попытать счастья. У Джона верный глаз, а у меня иногда дрожит рука, если дело не совсем обыкновенное, и я боюсь промахнуться. Осенью, когда я убил медведицу, я уложил ее одним выстрелом, но тут совсем другое дело, мистер Оливер!

– Вот, – сказал молодой человек таким тоном, как-будто сознание своей бедности доставляло ему какое-то горькое удовольствие, – вот все мое богатство: этот шиллинг да ружье! Теперь я в самом деле стал лесным человеком и могу рассчитывать только на охоту. Идем, Натти, поставим последний шиллинг на эту птицу, вы не промахнетесь.

– Не лучше ли Джону попытать счастья? Я не могу стрелять спокойно, зная, как важно вам получить птицу, и, пожалуй, промахнусь. Индеец же стреляет всегда одинаково, его ничто не смутит. Слышишь, Джон, бери шиллинг и мое ружье и попробуй убить индейку. Мистеру Оливеру очень важно иметь ее, а я не могу стрелять спокойно.

Индеец угрюмо поднял голову и, пристально посмотрев на своих собеседников, сказал:

– Когда Джон был молод, пуля его летела прямо, как взгляд. Женщины мингов кричали, услышав его выстрел. Воины мингов становились женщинами. Орел поднимался за облака,

когда пролетал над вигвамом Чингачгука. Но, – прибавил он, в волнении повышая голос до резких, пронзительных нот и протягивая руки, – взгляните: они дрожат, как тело лани, слышавшей волчий вой. Не оттого ли, что Джон стар? Но когда же семьдесят зим превращали могикана в женщину? Нет! Бледнолицый принес ему старость: ром – томагавк бледнолицего!

– Зачем же вы пьете ром, старина? – воскликнул молодой человек. – Зачем вы унижаете себя, превращаясь в скота?

– В скота? Значит, Джон – скот? – медленно возразил индеец. – Да, ты не солгал, сын Пожирателя Огня! Джон – скот. Когда-то огни были редки на этих холмах. Лань лизала руки бледнолицего, птица садилась ему на голову. Они еще не знали его. Мои отцы пришли сюда с берегов соленого озера. Они бежали от рома. Они собрались к своим дедам и жили в мире. Их томагавк поднимался только для того, чтобы раздробить голову минга. Они собирались вокруг костра совета, и то, что они решали – исполнялось. Тогда Джон был человеком. Но воины и торговцы со светлыми глазами последовали за ними. Одни принесли длинные ножи, другие принесли ром. Их было больше, чем сосен на горах, и они затушили костры совета и завладели землями. Злой дух был заключен в бочонках с ромом, и они выпустили его на волю. Да, да, ты не солгал, Молодой Орел: Джон – христианский скот.

– Простите меня, старый воин! – воскликнул юноша, хватая его руку. – Не мне бы упрекать вас! Пусть проклятие тяготее над алчностью, погубившей такое благородное племя! Помните, Джон, что я принадлежу к вашей семье, и это моя величайшая гордость.

Лицо могикана смягчилось, и он сказал ласково:

– Ты делавар, сын мой; я не слышал твоих слов. Но Джон не может стрелять.

– Я так и думал, что в нем есть индейская кровь, – прошептал Ричард, – по его неловкому обращению с моими лошадьми. Индейцы ведь не употребляют сбрую. Но бедный малый будет иметь два выстрела, если ему так хочется получить эту индейку; я дам ему шиллинг, хотя, быть может, лучше было бы мне самому выстрелить за него. Как я вижу, там, в кустах, устраивается рождественское состязание в стрельбе по индейке – слышите смех и голоса? Видно, этот малый большой охотник до индейки. Впрочем, мясо ее действительно вкусно.

– Послушайте, кузен Ричард, – возразила Елизавета, удерживая его, – деликатно ли будет предложить шиллинг джентльмену?

– Опять джентльмену! Неужели вы думаете, что метис откажется от денег? Нет, нет, мисс, он возьмет шиллинг; да и от рома не откажется, даром что проповедует трезвость. Но я дал ему лишний шанс выиграть индейку, потому что Билли Кэрби один из лучших стрелков в стране, то есть за исключением... одного джентльмена.

– Ну, если так, – сказала Елизавета, видя, что с ним ничего не поделаешь, – то я сама поговорю с ними, Сэр!

Она опередила своего кузена и решительно вышла из-за кустов на полянку, где собралось трое охотников. При ее появлении молодой человек вздрогнул и сделал недвусмысленное движение, показывавшее его желание уйти, но, опомнившись, приподнял шляпу и поклонился, а затем принял прежнюю позу. Ни Натти, ни могикан ничем не выразили своего удивления, хотя появление Елизаветы было для них совершенно неожиданным.

– Я узнала, – сказала она, – что старинный рождественский обычай стрельбы в индейку еще не вышел из употребления. Я хочу попытать счастья. Кто из вас согласен выстрелить за меня, уплатив эту монету?

– Разве это подходящее занятие для леди? – воскликнул молодой охотник с жаром, показывавшим, что он не успел обдумать своих слов.

– Почему же нет, сэр? Если оно бесчеловечно, то вина лежит не на мне. У меня могут быть свои фантазии, как и у других. Впрочем, я не прошу вашей помощи, но вот старый лесной ветеран, – прибавила она, обращаясь к Натти и вкладывая доллар в его руку, – он, наверное, будет настолько любезен, что не откажет мне в выстреле.

Кожаный Чулок опустил доллар в карман, засмеялся своим молчаливым смехом и, вскинув ружье на плечо, сказал:

– Если Билли Кэрби не застрелит птицу раньше меня и если французский порох не отсыреет в это туманное утро, то через несколько минут вы увидите убитую индейку, лучше которой не подавалось на стол судьи. Я видел на Могауке и Скогари голландских женщин, которые охотно участвовали в таких увеселениях, так что вы напрасно осуждаете леди, мистер Оливер! Идемте, а не то опоздаем.

– Но я имею право на выстрел раньше вас, Натти, и сначала сам попытаю счастье. Вы меня извините, мисс Темпль, у меня есть серьезные причины добиваться этой птицы, и хотя это может показаться нелюбезным, но я настаиваю на своем праве.

– Настаивайте на всем, что вам принадлежит, сэр, – возразила девушка, – мы оба соискатели, а вот мой рыцарь. Я вверяю свое счастье его руке и глазу. Ведите нас, сэр Кожаный Чулок, а мы следуем за вами.

Натти, которому, по-видимому, пришлось по душе свободные манеры девушки, так неожиданно возложившей на него необычное поручение, отвечал на ее улыбку своим характерным смехом и пошел по снегу к тому месту, откуда раздавались веселые голоса и смех. Его товарищи последовали за ним. На ходу молодой человек несколько раз с видимым смущением оглядывался на Елизавету, которую задержал на минуту Ричард.

– Мне кажется, мисс Темпль, – сказал Джонсон, когда остальные отошли на такое расстояние, что не могли их слышать, – что если вам действительно хочется выиграть индейку, то не следовало бы поручать это постороннему человеку, да еще Кожаному Чулку. Но я не верю, что вы затеяли это серьезно, потому что у вашего отца пятьдесят индейек, которых я откормил на славу. Шесть из них я для опыта откормил толченым кирпичом с...

– Довольно, кузен Дик, – перебила девушка, – я хочу выиграть эту птицу и поручила это сделать мистеру Кожаному Чулку.

– Неужели вы никогда не слышали, как я стрелял в волка, который утащил овцу из стада вашего отца? Он вскинул ее себе на спину, и если бы голова волка была на моей стороне, я убил бы его, но так как она была заслонена...

– То вы убили овцу! Я знаю это хорошо, дорогой кузен! Но разве главному шерифу... прилично участвовать в подобных увеселениях?

– Я вовсе не собирался стрелять сам, – возразил мистер Джонс. – Но идем за ними и посмотрим на стрельбу. Будьте покойны, здесь нечего опасаться женщине, а тем более вам и в моем присутствии.

– Я ничего не боюсь, сэр, особенно, когда нахожусь под охраной «высшей исполнительной власти в стране».

Она взяла его под руку, и он повел ее между кустами на стрельбище, где собралось большинство молодых людей деревни, к которым уже присоединились Натти и его товарищи.

Глава XVI

Старинный обычай стрельбы в рождественскую индейку был одним из тех увеселений, от которых редко отказывались поселенцы в новой стране.

Владельцем птиц был свободный негр, откормивший для этого случая коллекцию индеек, которая могла соблазнить любого лакомку и удовлетворить требованиям всех состязавшихся. Стрелки помоложе и понеопытней уже испробовали свои силы над несколькими птицами худшего качества, к большой выгоде владельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.